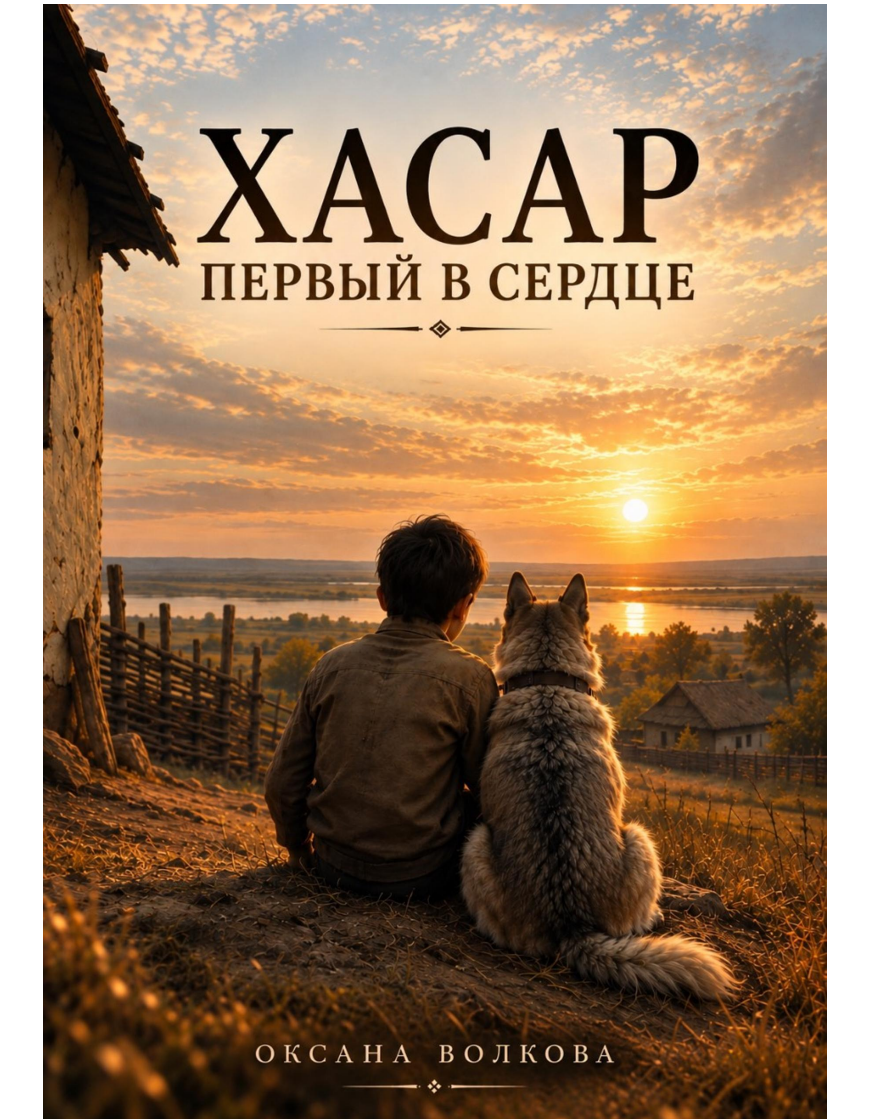

ХАСАР

ПЕРВЫЙ В СЕРДЦЕ

ОКСАНА ВОЛКОВА

Оксана Волкова

Хасар. Первый в сердце

<https://litres.ru/74476689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды в жизни Санала появился щенок по имени Хасар. Они росли вместе. Хасар ждал мальчика у калитки, а когда Саналу было плохо, ложился у его ног и клал голову поперёк ступней. Так было всегда — их маленький ритуал, для которого не нужны были слова.

Потом их разлучили. Санала увезли далеко от дома, а Хасар остался. Шли годы. Мальчик выросл вдали от него, пёс старел и продолжал ждать.

Через четырнадцать лет Санал вернулся. Хасар дождался.

«Хасар. Первый в сердце» — роман о верности, памяти и первой собаке, которая остаётся с человеком на всю жизнь.

Содержание

Глава 1. Пыль	4
Глава 2. Вода	17
Глава 3. След	29
Глава 4. Дорога домой	42
Глава 5. Кошма	54
Глава 6. Котёл	66
Глава 7. Звёздочка	76
Глава 8. Глина	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Хасар. Первый в сердце

Глава 1. Пыль

Хасар лежал в тени у порога, вытянувшись во всю длину, морда на лапах. Санал сидел рядом на тёплой доске, привалившись спиной к косяку, и смотрел на муравьёв; когда он шевельнул ногой, одно ухо у пса повернулось к нему, а глаз он так и не открыл.

К концу лета пыль у порога слежалась плотно, вторым слоем земли, и держала на себе всё — куриную лапу, тень плетня, узкую муравьиную дорогу, выбитую до блеска и чуть углублённую по краям, тёмную от бесчисленных лапок. Те, что бежали к сладкому, шли быстро, по двое и по трое, налегке. Те, что возвращались, тащили крупинки больше себя, кренились набок и шли задом, упираясь лапками.

Вечером Ээж прибирала со стола, и на пороге осталось несколько хлебных крошек и крупинок сахара — редкой в доме сладости. Муравьи нашли их ещё до темноты, и к утру от каждой крупинки осталась только белая пыль, и они таскали эту пыль по песчинке, сгибаясь под ней, как под камнем.

Одна крупинка лежала у самого края норки — не тронутая, белая, как соль. К ней никто не шёл.

Санал поднёс палец к самой земле, почти касаясь, и

ждал. Муравей, бежавший мимо, остановился, повёл усиками, обогнул палец и побежал дальше. Другой, с крупинкой, толкнулся в палец, перевалился через него, не сбавив хода. Санал убрал руку.

— Санал, — позвала Ээж из-за угла. — Принеси щепы, печь садится.

— Сейчас, — ответил он, не вставая.

Тот муравей у норки наконец подошёл к белой крупинке. Попробовал с одной стороны, обошёл кругом, попробовал с другой — и потащил. Крупинка была больше него самого, он тянул её задом, упираясь лапками, и она шла на волос за раз.

— Санал, — позвала Ээж снова. — Не «сейчас», а сейчас. — Иду, — сказал Санал и не пошёл.

Он смотрел, как муравей перетаскивает крупинку через кочку, как она скатывается обратно и как он начинает сначала. Между «надо» и «сейчас» у Санала всегда помещался ещё маленький кусок времени, ничей, и он жил в нём, пока мог. Хасар приоткрыл глаз на голос Ээж, повёл ухом и снова прикрыл.

Крупинка ушла под порог вместе с муравьём. Санал выдохнул, вытер руки о колени, встал и пошёл за щепой.

* * *

За щепой надо было в дальний угол, к сараю, а по дороге стоял ларь. На верхней доске его, с краю, лежали спички — их клали высоко, чтобы он не достал, и он не доставал, почти. Огонь ему трогать не велели; хотелось только подержать

коробок, потрясти, послушать, как внутри пересыпается тесное, и поставить назад так, чтобы никто не узнал. Рядом со спичками, на той же доске, стоял мешок муки.

Санал встал на приступок, потянулся. Пальцы легли на коробок, потащили — коробок пошёл легко. А плечом он уже упирался в мешок и не почувствовал, как тот качнулся. Холстина съехала, мешок повалился набок, горловина ушла вниз — и мука пошла сверху.

Она накрыла его всего разом — по волосам, по лицу, за воротник — и осела на пол широким кругом. Санал стоял в середине белый, с коробком в кулаке, и не двигался. Пыль висела столбом в свете из двери. Дышать было нечем; он открыл рот, и на язык село горькое, с привкусом зерна.

Хасар гавкнул от порога — коротко, резко, отскочив назад. Он гавкнул на белое, что шевелилось. Потом двинулся вперёд, низко, вытянув морду; обнюхал колено, фыркнул, чихнул, отступил, чихнул снова — и полез мордой уже без опаски, пачкая свою тёмную морду белым.

— Стой, — сказал Санал, смеясь. — Стой ты, испачкаешься.

Хасар сунулся мордой ему в грудь, обнюхал, толкнул носом в подбородок; на чёрном носу у пса сидел белый круг, с усов сыпалось; он фыркнул, мотнул головой, так что мука полетела с ушей, и хвост его один раз глухо ударил по полу, подняв облачко муки. Санал засмеялся громче. А потом увидел пол.

Мука лежала по всему полу. Не горсть — столько, что серый пол почти исчез под ней.

Он торопливо поставил коробок на место, будто этим можно было отменить начало, опустился на колени и стал сгребать муку ладонями к середине. Часть уже смешалась с земляной пылью и посерела — такую не собрать. Он сгребал чистую и держал в горсти, не зная, куда деть. Во дворе слышались шаги, и он заторопился, будто, если успеть до того, как войдут, всё обойдётся. Не успел.

Ээж вошла первой. Оглядела пол, мешок на боку, белого внука на коленях. Про мешок не сказала ничего. Подошла, взяла его за подбородок, повернула лицо к свету.

— Глаза закрой. Щиплет.

Он закрыл. Она стёрла муку — со лба, со щёк, с бровей — большим пальцем, смоченным о губы.

— Ач минь, — сказала она тихо, себе.

Гиляна вошла второй и встала над мешком.

— Это мука, — сказала она. Не крикнула — сказала так, что лучше бы крикнула. — Это до нового мука, Санал. Ты понимаешь, что это?

— Я не нарочно.

— «Не нарочно». За спичками полез. Тебе спички зачем?

Он молчал: за чем — он и сам не сказал бы. Гиляна шагнула ближе, и голос поднялся.

— Сколько раз про доску говорено. Высоко положено — не для тебя. А ты...

— Гиляна, — сказала Ээж негромко.

— Что «Гиляна»? Ты его жалеешь, а зиму чем жалеть будем? Мукой?

— Мал ещё.

— Мал, а мешок с него ростом.

Ээж не ответила, подобрала с пола пустую холстину, встряхнула, сложила. Гиляна стояла над серым кругом и считала его глазами — не сына, а муку, дни до нового помола.

Темир вошёл третьим, со двора, и встал в дверях. Ничего не сказал. Оперся плечом о косяк, посмотрел на пол, на мешок, на жену, на сына. Гилянина рука была уже поднята — не ударить, а показать, куда идёт дело. Темир не перехватил её. Он просто стоял в двери так, что заполнил её всю, и рука опустилась сама.

— Собирает же, — сказал Темир.

И всё. Отодвинулся от косяка, скользнул ладонью по верхнему его краю и ушёл во двор, к своему делу, оставив за собой стук костыля по утопанной земле; Санал не помнил отца без этого стука и не слышал в нём беды — только отца.

Гиляна постояла, потом забрала у сына горсть чистой муки, сыпала в мешок, завязала верх.

— Домети. И умойся.

Она вышла. Ээж у порога задержалась, положила Саналу руку на макушку, встряхнула муку с волос и вышла следом.

* * *

Печь дожидалась своего. Санал вымел пол, вынес серую

муку за порог — её тут же взял ветер и понёс низом вдоль плетня. Умылся из ведра; вода в бадье побелела.

Двор к этому часу разморило: куры разгребали пыль в тени плетня, за сараем сонно вздыхала скотина, и день стоял тот самый, поздний, когда дела делаются медленно, без спешки, и между ними открываются щели, в которые помещается своё.

Пока печь брала своё, он занялся псом. Вытащил из кармана ремешок — старый, кожаный, обрезок узды, тёмный и мягкий от рук, — и тряхнул им. Хасар подобрался. У них была своя игра. Санал не давал ремешок сразу: держал и смотрел псу не в глаза, а поверх. Хасар знал, что будет, и ждал того же, чего и мальчик. Кинул руку — пёс взял ремешок зубами, потянул, упираясь лапами, урча не всерьёз; кожа скрипела. Хасар мотал головой, приседал на задние лапы и откидывался назад всем весом, и по хребту у него ходила мелкая дрожь; из груди шло ровное, довольное ворчание, в котором не было злости. Тянул к себе Санал, тянул к себе Хасар, и не было в этом ни победы, ни проигрыша — было только тянуть, пока весело. Санал отпускал вдруг, Хасар кувыркался назад, вскакивал, приносил ремешок и ронял у ног — ещё. Так у них всегда, и никто их этому не учил.

Санал отобрал ремешок, свернул кольцом — на ладони осталась узкая красная полоса — и сунул в карман. С крыши сарая за игрой следил кот. Когда Хасар кувыркнулся особенно нелепо, кот отвернулся и стал вылизывать лапу, длинно

и неторопливо.

Хасар подставил бок. Санал выбрал из шерсти колтун, провёл рукой по спине — под шерстью тепло, живое, ходят рёбра от дыхания. От пса шло тепло, и шёл его запах — сухой пыли, полыни, нагретой шерсти, самого Хасара; Санал узнал бы его и с закрытыми глазами, из десятка собак. Занозу из подушечки передней лапы Хасар дал вынуть: поднял лапу и держал, не дёргая, хотя чужому не позволил бы и коснуться. Санал знал, где у пса что болит, где чесать, где тот не любит, — знал лучше всех в доме; когда Гиляна спрашивала «он ел?», спрашивала у Санала, не заметив, когда это стало так. Когда Санал отпустил лапу, Хасар потянулся мордой и коротко ткнулся носом в его руку — с исподу, во внутреннюю сторону левого запястья, где кожа тонкая, — и опустил голову на лапы.

* * *

— Санал, — позвала Гиляна из дома. — Иди сюда.

Обед Темиру собрали в узелок — хлеб, варёное мясо, лук.

Гиляна сунула его Саналу в руки.

— Снеси отцу. Он у воды, сети ладит.

— А Хасара взять?

— Хасар пусть двор стережёт. Прямо иди, не броди.

Узелок был тёплым снизу. У сарая в загоне переступала тёлочка — тонконогая, с белой звёздочкой во лбу и такими длинными тёмными ресницами, что глаза её казались подведёнными. Она подняла морду, поглядела на Санала и снова

уткнулась в сено. Хасар поднялся идти следом и стал у калитки, где всегда провожал и заворачивал назад. Санал притворил калитку; в щель было видно, как пёс потоптался, лёг у стены, положил морду на лапы. Одно ухо ещё стояло, повёрнутое вслед уходящим шагам Санала, потом опустилось и оно.

Дорога шла селом — пыльная, в тёмных пятнах пролитой у колодцев воды, между плетнями и глухими, разморёнными зноем дворами. Где-то мычала скотина, где-то постукивали по дереву; пыль лежала мягко и пружинила под босой ногой. На завалинке старик резал ножом по дереву, и стружка вилась ему на колени, светлыми колечками падая в пыль.

— К отцу, что ли? — спросил он, не поднимая головы.

— Обед несу.

— Неси, неси.

Узелок грел живот, и Санал не задерживался: надо было донести, пока тёплый.

За последними дворами село кончилось, пошли бугры и понижения между ними. На буграх трава к концу лета выгорела и стояла седая, в понижениях держалась зеленее; пахло полынью, сухо и остро.

Отец сидел у воды на перевёрнутом ведре, спиной к тропе, и сеть уходила из его колен в руки. Вода к концу лета отошла от берега и стояла низко; по обсохшему краю белели присохшие ракушки, пахло тиной и нагретым илом. Костыль лежал в траве рядом. Темир не обернулся на шаги — знал

их, — довязал узел и только тогда сказал:

— Клади вон.

Санал положил узелок на кошму. Отец не ел — доводил ряд. Санал сел рядом, взял край сети, натянул, чтобы отцу было где вязать.

— Держи.

Первый раз он взял неверно, комом. Отец не сказал, что криво, — тронул сыновью руку, развёл пальцы, показал, где держать, и убрал свою.

— Так?

— Так.

Была сеть, был узел, был следующий узел. Ветер тянул с воды, охлаждал щёку. По воде шли редкие круги там, где кто-то трогал её снизу.

Он развязал узелок, отломил хлеба, дал сыну половину. Хлеб был свой, ещё хранил тепло печи. Ели молча; лук отец разломил пальцами, посолил из тряпицы. Потом свернул сеть, проверил на весу.

— Хасар-то дома? — спросил вдруг.

— У стены лежит. В муке весь.

— В муке, — повторил Темир, и что-то сдвинулось в лице. — Ишь, и ему досталось. Ну иди. Мать одну с печью не оставляй.

Санал встал. Костыль отец при нём брать не стал — сидел, пока сын не отошёл.

* * *

Назад Санал шёл быстрее. Тянуло домой — там, у стены, лежал Хасар, весь ещё в муке, смешной, и у них была своя возня, которой ждал только Санал. Он уже придумал, как покажет псу пустую ладонь, спрячет ремешок за спину и заставит поискать.

Калитка. Двор. У стены было пусто.

Санал остановился. Место лежало на виду — примятая земля, где Хасар вылёживал день. Он поставил бы это ни во что, если бы не миска: к этому часу Хасар обычно уже подходил к ней, а сейчас она стояла нетронутая, с натёкшей по краю водой, что он налил утром.

— Хасар, — позвал он тихо. Обошёл сарай, заглянул за поленницу. — Хасар!

Вышла Гиляна с полотенцем через плечо.

— Чего кричишь?

— Хасара нет.

— Набегается — придёт. Собака не человек.

— Он миску не тронул.

— И что миска. — Она вытерла руки. — Воды принеси, вечер скоро.

— А если не придёт?

— Придёт. Иди за водой.

Она ушла к печи. Санал взял было ведро — и поставил обратно. За водой он не пошёл. Он обошёл двор по местам Хасара: тень под навесом, щель за поленницей, вытоптаный лапами угол у сарая. Везде пусто, и от этой пустоты двор де-

лался больше. Он вернулся к стене, присел. Земля ещё держала ложбинку по собачьему боку и серый волосок на ней. От места шли лапы — четыре пальца, коготь, один отпечаток глубже. Взгляд сам повёл по цепочке — от стены к калитке, за калитку, на дорогу.

На дороге след пошёл вдоль плетней и у колодца растворился в общем — собачьем, коровьем, людском. Дальше дорога была натоптана, суха, тверда; по такой не прочтёшь.

Тогда он пошёл не по следу, а туда, где Хасар пролезает. У крайнего двора слегка разохлась, отошла вниз; в пыли темнела свежая рытвина, продавленная брюхом, на щепе — серый волосок. Есть, здесь. Он читал не глазами одними — присаживался, трогал пальцем: рытвина ещё держала форму брюха, волосок был его, серый, с рыжинкой у корня. Он выпрямлялся, шёл к следующей метке, и шаг делался быстрее. Санал тронул в кармане свёрнутый ремешок, сам не заметив зачем. Дальше, у ямы с помоями, по краю темнела свежая строчка, грязь сдвинута мордой. Есть. За гумном — свежий подкоп, земля сырая с исподу. Есть.

За гумном Хасар всегда забирал влево, к понижению, где по утрам стоит вода. Влево хода не было. Санал проверил снова: от гумна пёс уходил вправо, в бугры, куда без Санала не ходил, — скорым широким шагом, каким идут не гуляя.

И Санал пошёл вправо.

Бугры пошли одинаковые: один поднимался за другим, седой, с полыньёю по склону, и понижение между ними, и

опять подъём. Полынь цеплялась за штаны, оставляла на ткани горькую пыль, и запах её шёл следом, не отставая. Склоны были в норках сусликов, в сухих катышках овечьего помёта, в белёсых плешинах соли; под ногой то пружинила выгоревшая трава, то осыпался сухой суглинок. Санал всё думал, что вон за тем бугром откроется знакомое — тропа, куст, примета; за бугром вставал новый бугор. Село ушло за спину. Он оглянулся раз — крыш не было, только бугор, с которого спустился, и такой же бугор, и не понять, с которого.

Он звал. Сначала громко, потом тише — голос уходил в открытое и не возвращался, будто степь его выпивала. Ни лая в ответ, ни шороха, ни собачьего голоса. Только ветер клонил полынь в одну сторону, всю разом, и отпускал.

Ноги горели, пыль набилась между пальцами и тёрла ступни, во рту пересохло, и горечь полыни делалась от этого гуще. Двор он знал наизусть: тот плетень, тот угол, ту кривую поленницу. Бугры он знал тоже — но от села, сверху и днём, а не снизу, изнутри, один и к вечеру. Отсюда они шли одинаковой чередой, бок за боком, и ни один не держал приметы, за которую взяться. Санал не заметил, где кончилось то, куда он ходил сам, и началось то, куда одному было нельзя.

Со стороны села, издалека, донёсся голос.

— Са-нал!

Ээж звала — тем же голосом, чуть надтреснутым, каким звала к печи, за щепой. Ветер нёс его через бугры и с ним — горький запах полыни; и голос, и запах были из дома, из

того, что осталось позади.

— Са-нал! — дальше, слабее.

Санал слышал. Он оглянулся назад, где за бугром был голос, был дом, был стол и всё, что как всегда. Потом посмотрел вперёд, где одинаковые бугры уходили за одинаковые бугры и где-то там шёл, не оглядываясь, тот, кого он знал лучше всех в доме. Большой палец сам прошёл по внутренней стороне левого запястья, туда и обратно.

Санал не отозвался.

Он спустился с бугра в понижение и пошёл вперёд — прочь от голоса, в степь.

Глава 2. Вода

Кадка стояла в тени навеса и к утру не прогрелась. Санал провёл по её краю ладонью — дерево было влажное и холодное, и на пальцах осталась мокрая пыль. Воды внутри было на две ладони, не больше. Он опустил кружку, зачерпнул со дна и пил долго, не отрываясь, пока не перехватило дыхание; вода отдавала деревом и стояла во рту тёплой, хотя сама кадка была холодная. На дне, куда кружка не достала, вода лежала чище и темнее; по ней, качнувшись от его движения, прошла и стихла мелкая рябь. Он поставил кружку на край и отошёл.

Место у стены было пустое.

Санал прошёл мимо, не поворачивая туда головы. Он и во двор вышел так, чтобы идти к печи и к матери не тем краем, каким ходил всегда, а в обход, и сам заметил это только на середине двора, и не повернул назад. Дела шли как всегда. Мать топила печь, и от неё несло ровным жаром и запахом сухой полыни. Ээж сидела с ведром у стены и чистила вчерашнюю рыбу: чешуя отлетала и липла к её мокрым рукам, поблёскивала на солнце и падала в пыль сухими блёстками. Отец сидел у навеса над сетью, разбирал её на коленях. Двор был полон дела и голосов, и не хватало в нём только одного — и от этого весь он казался чуть больше обычного, как комната, из которой вынесли стол.

— Принеси воды, — сказала мать, не оборачиваясь.

— Сейчас.

Он взял вёдра и коромысло. Пустые вёдра были лёгкие, коромысло без них съезжало и било по плечу на каждом шаге. Тропа к воде шла низом, между сухих кочек, обходила солончаковую плешь, где земля белела и хрустела под босой ногой, и приводила к ильмену. Вода стояла тихая, тёплая по краю и прохладнее глубже; у берега держался камыш, серый, поломанный ветром, стоял стеной, в которой было темно и сыро. От воды тянуло прохладой и тиной, и слышно было, как она чуть плещет о берег, набегая и отходя. Санал зашёл по кромке в мокрый ил, и ил уходил под ступнёй — сверху холодный и мягкий, глубже плотный, — и держал ногу, и между пальцами выдавливалась тёплая муть; когда он переступал, ил чмокал и нехотя отпускал ступню. Вода у ног стояла тёплая поверху и холодная у дна, и, пока он не двигался, к ступням подходили мелкие мальки, трогали их и прыскали прочь.

Санал знал у этой воды каждый звук. В камыше возилась и пересвистывала невидимая птица; у берега что-то плеснуло — рыба или лягушка, — и круги пошли, дошли до стеблей и сгладились; сухие метёлки тёрлись друг о друга с шорохом, похожим на далёкий шёпот. Со стороны села через воду доносился лай — редкий, дневной, ленивый, — и Санал, набирая, разбирал в нём голоса поодиночке, как разбирал в пыли следы: у рыжей соседской лай был короткий, будто она лаяла

нехотя; у той, что через два двора, — залиvistый, с подвы-
ванием на конце; у дальнего двора держали двух, и они по-
давали голос сразу, наперебой. Он знал их все. Того голоса,
который он ждал, — низкого, с рыком на конце, — среди
них не было ни разу.

Там, где берег был вытоптан и вода у самой кромки мут-
нела от поднятого ила, Хасар заходил по брюхо и стоял, осту-
жая лапы, и пил, роняя с морды капли, и муть от него расхо-
дилась по воде широким пятном. Сейчас берег был ровный,
вода чистая до дна, ил лежал не тронутый, и по нему видно
было каждый камешек и каждую былинку.

Санал прошёл вдоль кромки, где земля была мягкой и
держала на себе всё, что по ней ступало. Он искал глазами
собачий след — широкую переднюю лапу, косой отпечаток,
— тот, что оставлял здесь Хасар каждый день и что Санал
знал, как свою руку. По илу стояли птичьи крестики да тя-
нулся сзади его собственный след; собачьего следа не было.
За ночь вода подобралась выше и сгладила кромку.

Санал постоял над этим местом дольше, чем нужно было,
чтобы набрать воды. Потом присел, опустил ведро набок и
повёл им по воде; вода вошла разом, ведро потянуло вниз и
потяжелело в руке, и он выправил его, чтобы не зачерпнуть
со дна ила. Поверхность, разбитая ведром, качнулась, свела
и снова развела отражённый камыш. Второе он набрал так
же, встал, поддел коромыслом дужки — плечо приняло груз
и осело под ним — и понёс.

Он вылил вёдра в кадку. Со дна поднялась муть и, покрывшись, стала оседать. Он пошёл опять. Полные, вёдра держали коромысло ровно, но у самой калитки одно качнулось, вода плеснула ему на ногу и на пыль и легла тёмным пятном. Оно сразу начало светлеть с краёв и скоро исчезло. На обратном пути плечо под коромыслом заныло; он переложил его на другую сторону, и заныло с той. Мокрый край ведра тёр по бедру, и от ходьбы с грузом ноги ставились тяжелее и шире. Он шёл, чуть отклоняясь назад под тяжестью, и мерил дорогу не шагами, а плечом — по тому, как оно ныло и просило переменить сторону, и по тому, сколько ещё оставалось терпеть до кадки. Он донёс, вылил и снова пошёл к воде — постоять над той кромкой, послушать камыш и дальний лай, а потом набрать и принести, будто без этого нельзя было обойтись. Пятна пролитой воды тянулись за ним от кадки к калитке, одно за другим, и высыхали не в том порядке, в каком легли.

Кадка встала полной до края. Санал принёс ещё вёдра, поднял одно над кадкой, чтобы вылить, — и увидел, что лить некуда. Вода качнулась и пошла через край, по тёмному дереву вниз, в пыль; тонкая струйка добежала до земли и стала промывать в ней бороздку. Он опустил ведро и поставил на землю.

— Полно же, — сказала мать, выходя из дома и глядя на мокрый бок кадки. — Через край льёшь, воду переводишь. Иди к отцу помоги.

Отец сидел, наклонившись низко, и сеть уходила из его колен в руки. Костыль лежал в траве рядом. Санал сел рядом на корточки. Пальцы у Темира двигались медленно и верно: находили в ячее прореху, заводили в неё бечёвку, обносили вокруг и затягивали узел, и узел ложился ровно, не хуже старой вязки. Он не торопился и не сбивался.

— Помочь? — спросил Санал.

— Держи, — сказал Темир и подал ему край сети.

Санал натянул. Первый раз взял комом, и ячей под пальцами сбилась в складку; отец не сказал, что криво, — тронул сыновью руку, развёл ему пальцы, поставил их так, чтобы сеть легла ровно и держала натяг, и убрал свою руку. Санал взял так. Сеть под его пальцами перестала морщить и пошла гладко. Он держал, а отец вязал; руки у Санала затекли от одного положения, но он не менял его и не разжимал — вся ровность держалась на том, как он взял. От сети пахло рыбой и смолой, и запах оставался на руках. Ветер тянул со двора, нёс пыль и сухую траву; они работали и молчали. Солнце перешло навес, тень сдвинулась, и они передвинулись за ней, не сговариваясь.

За плетнём коротко, лениво твякнула собака. Санал вскинул голову на звук раньше, чем успел подумать, — и сеть в его руке поехала, ячей снова легла складкой. Отец поправил её сам, не поднимая глаз, и подождал, пока сын возьмёт заново. Санал взял.

— Не он, — сказал он.

Темир ничего не ответил и стал вязать дальше.

* * *

К полудню мать послала его на другой конец села — отнести соседке пустой горшок, что брали у неё третьего дня. Санал взял горшок под мышку и пошёл.

Село лежало в полуденном зное, разморённое и тихое. Тени от плетней были короткие и горячие, пыль под ногами — мягкая, глубокая, сухая; она набивалась между пальцами и не холодила, а грела. У одного двора баба выплеснула из ведра помой, и вода потемнила пыль и тут же ушла в неё, оставив только тёмное пятно, над которым закружились мухи. У другого стучал по дереву топор — ровно, нечасто, с оттяжкой, и между ударами было слышно, как падает отколотое. За плетнями переступала и вздыхала скотина, тянуло тёплым духом навоза, дыма и подсыхающего кизяка. Санал шёл серединой дороги, и пыль поднималась за ним и садилась на голые ноги, на руки, на бок горшка. У колодца стояли брошенные вёдра, и пролитая через край вода темнила вокруг сруба круг сырой земли — единственное тёмное и прохладное место на всей белой от зноя улице. Где-то заскрипел и стих колодезный ворот. В тени под навесом лежали, вывалив языки, две собаки и не подняли головы на его шаги; курица, распластавшись, купалась в пыли у плетня, и пыль вставала над ней облачком и оседала обратно.

У того двора, где держали злую собаку, он привычно пе-

решил на другую сторону. Собака спала в тени у плетня — рыжая, положив морду на лапы, и бок её ровно ходил во сне. Хасар во сне клал лапу на нос. Санал прошёл мимо, и рыжая не подняла головы, только повела ухом на его шаги и опять затихла.

Он отдал соседке горшок и пошёл назад. Идти обратно было жарче: солнце встало прямо над головой, тень укоротилась до самых ног, и пыль под ступнёй жгла, так что он держался кромки дороги, где она была плотнее и прохладнее. Всю дорогу он слушал дворы — двор за двором, один за другим; в каждом было своё, живое, привычное, и ни в одном не было того, что он искал.

* * *

Днём он сидел у печи и разбирал полынь. Мать велела наломать её мелко, на растопку, и он ломал: брал сухой стебель обеими руками, переламинал через большой палец, потом ещё и ещё, и стебель распадался на короткие куски с сухим треском. Полынь пахла горько и остро, и от печного жара запах делался гуще, садился на пальцы и в горло, и, сколько потом руки ни три, держался. Стебли попадались разные: молодые ломались чисто, с одного нажима, а старые, одревесневшие у корня, гнулись и не поддавались — их приходилось перекручивать, и они рвались вдоль, оставляя на ладони серые волокна.

Работа была ровная, и рука в ней шла сама. Но за плетнём твякнула собака — и рука Санала стала на середине стебля,

а голова поднялась. Он послушал. Лай был чужой, короткий, ленивый; он опустил голову и доломал стебель. Через время подал голос другой двор — и снова рука встала, и снова поднялась голова, и снова, послушав, опустилась. Куча наломанной полыни росла толчками, с остановками, как растёт то, что делают вполуха. Наломанное он сгребал ближе к печи, чтобы было под рукой, когда мать станет подтапливать.

Двор к этому часу разморило. Куры забились в тень под плетень и разгребали там прохладную землю; скотина за сараем стояла смирно, отгоняя хвостами мух; день шёл к спаду медленно, как всё в жару. Двор жил своим чередом, полный и без пса, и делал это так же ровно, как всегда.

Ээж сидела рядом, распутывала верёвки и сматывала их в тугие кольца; пальцы её шли по узлам не глядя и ни разу не сбивались. Она ни о чём не спрашивала. Только когда он в третий раз поднял голову на чужой лай, она отложила верёвку и поглядела на него. Ээж была в доме самая старшая, говорила редко и зря слов не роняла.

— Ты его знаешь лучше нас, — сказала она. — Другие пусть не слушают, им некого. А ты слушай, раз слышишь.

И снова взялась за верёвку, и пальцы её пошли по узлам, не глядя.

* * *

К вечеру жар от печи спал, и в доме запахло варевом. Ужинали, когда стало смеркаться. Ели разварную рыбу, ту, что Ээж чистила утром, с хлебом; мать разложила по мис-

кам. Ставя перед Саналом его долю, она большим пальцем один раз обтёрла край миски, хоть он был чист, и подвинула ближе, не спрашивая, будет ли он. Ели молча, при догорающем свете из устья печи, и тени от рук ходили по стене. Мать разломилла хлеб на всех и раздала; ели руками, макая хлеб в юшку. Ээж ела медленно, подолгу пережёвывая мягкое, — зубов у неё почти не осталось, — а куски получше, что попадались ей, откладывала и пододвигала Саналу. Говорили о немногом и будничном: что рыба к концу лета пошла мельче, что завтра отцу надо проверить поставленные на ночь снасти, что соли осталось на доньшке. Мать считала вслух, чего на сколько хватит, и это был обычный счёт обычного вечера. В другой день мать, разливая по мискам, спросила бы у Санала, ел ли пёс, — она всегда спрашивала у него, потому что он один это знал. Сегодня она не спросила, и Санал ел, слушая через открытую дверь двор.

Вечером он вынес Хасару миску. Она стояла у стены, где ставили всегда, — пустая, и на дне её натрусило за день пыли. Санал поднял её, обдул пыль, подержал в руках. Поставил ближе к углу, где Хасар ложился. Подумал. Вернул на прежнее место.

— Ты зачем ставишь-то? — сказала мать, выходя с полотенцем на плече. — Его нет.

— Придёт — нужна будет.

— А если не придёт?

Санал молчал.

Мать поглядела на него, на пустую миску, на примятую землю у стены. Постояла.

— Ставь, — сказала она. — Только еду не клади с вечера, пропадёт. Утром положишь свежую.

Она ушла в дом. Санал присел на корточки у стены. Солнце садилось, тень от стены легла через весь двор, и в этой тени примятое место было холоднее остального. Земля ещё держала ложбинку по собачьему боку, и в ней светлел короткий серый волосок. Санал провёл по земле ладонью. Она была холодная, хотя солнце ещё не зашло.

* * *

Ночью он не спал. Лежал на своей постели у двери, лицом к стене, и слушал. В доме затихли: мать перестала ворочаться, Ээж дышала ровно, отца не было слышно вовсе. Во дворе изредка потрескивала, оседая и остывая за ночь, земля у плетня; раз прошуршало вдоль стены что-то мелкое и стихло. Санал лежал и слушал. Темнота была полная, и в ней слух делался острее, чем днём.

Он различал дыхание каждого в доме: у матери оно было ещё дневное, неровное, с задержкой перед вдохом; у Ээж — тонкое и ровное, как её же нитка; у отца низкое и редкое.

Раз ему показалось, что во дворе стукнуло у ворот. Он привстал, вытянулся, вслушался — но это осел плетень или упало что-то сухое, и всё стихло. Он лёг обратно, но сердце ещё колотилось, и он положил на грудь руку, чтобы унять его и не пропустить за ним звука. Под ладонью оно било часто и

гулко. Время шло медленно, как идёт оно у того, кто лежит с открытыми глазами и ждёт одного звука.

За плетнём залаяла собака. Одна.

Он приподнялся на локте. Первый удар сердца был короткий и злой от надежды — он; второй уже знал, что не он. Лай шёл издалека, с того конца села, где дворы кончались и начиналась степь; он был длинный и низкий, из тех, какими лают в темноту на то, чего не видят и не понимают. Ему ответил другой двор, поближе, потом третий, и скоро лай пошёл по всему селу волной, от двора к двору. Звук шёл через тьму дробный, разноголосый, то громче, то глуше, смотря куда поворачивал ветер, и доходил до Санала не сразу весь, а слоями, ближний поверх дальнего.

Санал сел на постель. Он не слушал этот лай весь целиком — из всего лая он ждал только одного голоса: низкого, хриплого, с рычащей ноткой на конце, какого не было ни у одной собаки в селе. Волна поднималась, спадала, поднималась опять; в ней было много собак, ближних и дальних, и все они были чужие. Он вытянул шею к стене, за которой был двор и ворота, и не дышал, чтобы не мешать себе слышать, и ждал, что вот сейчас в эту чужую волну войдёт его голос — и он узнает его сразу, из всех, не спутав, — и что пёс стоит уже у ворот и подаёт голос, чтобы открыли, и что надо только встать и снять петлю.

Голоса Хасара не было.

Лай редел. Один за другим стихали дворы. Последней за-

молчала собака у края села, там, где дорога уходила в степь.
После неё никто больше не залаял.

Глава 3. След

Санал проснулся рано, ещё до солнца, оттого что за дверью ходили. В доме топили печь, пахло дымом и мокрой золой; за стеной, во дворе, скрипело ведро. Он полежал, слушая, — по привычке этих дней он слушал первым делом: не проснулся ли пёс, не скребёт ли когтями у порога, не вздохнёт ли, тяжело укладываясь. Порог молчал.

Он встал и вышел во двор. Двор был серый от росы, трава у плетня стояла мокрая и тяжёлая, и по ней ещё никто не ходил. Место у стены было пустое. Земля там была примята по собачьему боку, и на примятом ровно, нетронуто лежала роса. За ночь никто не ложился на это место — роса сказала бы, если бы кто лёг.

— Санал, — сказала мать из-за угла, не оборачиваясь. — За водой. И умойся, глаза как у сына.

Он взял вёдра и пошёл.

На тропе он никого не встретил — село ещё спало. За чужими плетнями лениво, спросонок перебрёхивались собаки, и Санал, идя, разбирал их голоса, как разбирал уже вторые сутки: рыжую соседскую, залиvistую через два двора, дальних, что лаяли вместе. Того голоса — низкого, с рыком на конце — среди них не было. У воды он набрал вёдра и постоял. Там, где Хасар заходил остудить лапы, вода лежала ровная, ил не поднят, и на ней не было кругов.

Он носил воду, ломал полынь, подавал матери то, что она просила. Делал всё как всегда и всё время слушал. Мать не спрашивала, отчего он молчит; она давала ему дело — принеси, поддержи, отнеси, — и он делал.

Один раз, когда он застыл с охапкой полыни, слушая дальний лай, она сказала:

— Ешь давай. На пустой живот ноги не носят.

Он поел. Она глядела, как он ест, и больше ничего не сказала.

* * *

После завтрака он собрался идти. Мать увидела это по нему.

— Далеко не ходи, — сказала она. — К обеду чтоб был дома.

— Ладно, — сказал Санал и вышел за калитку, уже зная, что к обеду не вернётся.

Вчера он обошёл двор и село по всем местам Хасара, нашёл след, что вёл в бугры, пошёл за ним и потерял на твёрдой земле, и не нашёл, сколько ни искал. Сегодня он пошёл туда же, но медленнее, глядя под ноги. По дороге тянулись его вчерашние следы — частые, глубокие, торопливые; сегодняшние ложились рядом, реже и ровнее. Полынь стояла седая, и в пыли под ней держались отпечатки: чужие собачьи, коровьи, человечесьи, птичьи крестики. Он читал их, как читают чужой и знакомый почерк, и ни один не был тем, что он искал. У того места, где вчера кончился след, он остано-

вился.

Дальше начиналась твёрдая, битая земля, на которой след не жил. Санал поглядел вперёд, где бугры уходили один за другим, и крикнул:

— Эй!

Голос ушёл в открытое и не вернулся; ветер пригнул полынь и отпустил.

— Ты чего тут кричишь?

Санал обернулся. В нескольких шагах стоял старик — тот, что вечно строгал что-нибудь у своей завалинки; сейчас в руках у него была смотанная верёвка, и он глядел на Санала из-под руки, щурясь на солнце.

— Ищу Хасара, — сказал Санал. — Собаку нашу. Серого, с белой грудкой.

— А, серый. — Старик кивнул, будто вспомнил. — Видал я его. Вчера, под вечер.

— Где? — Санал шагнул к нему.

— Тут и видал, повыше. Шёл вдоль дороги, за село, в ту сторону. — Старик показал рукой туда, где бугры вставали выше и за ними уже не видно было села. — Не бежал, не таился. Шёл ходко, ровно, не оглядывался.

— Один?

— Один. Не гнал его никто, коли ты о том думаешь. Сам шёл.

— А с виду какой был? — спросил Санал. — Не хроمال?

— Да серый пёс, каких много. Шёл ровно, не хроمال. То-

щий только — бок подобрал. Ну да они к осени все тощие.

Санал складывал про себя: не хромал — значит, лапы целые; тощий — значит, не ел.

— А куда дальше?

— А дальше не скажу. Дальше я домой повернул — мне в степь на ночь глядя незачем. Шёл себе пёс, и всё.

Старик помолчал, оглядел Санала — сбитые колени, серые от пыли ноги, пустые руки.

— Ты чей будешь-то? Темира сын?

— Темира.

— То-то, гляжу, упрямый. — Старик покачал головой. — Ты вот что, парень. Домой ступай. Пёс дорогу знает лучше тебя, придёт сам, как нагуляется. Собака от дома далеко не отходит, ей дом нужен.

— Он вчера не пришёл. И позавчера.

— Ну, стало быть, нынче придёт. — Старик пожал плечом; ему это было просто. — А в степь один не суйся, слышишь? Мал ещё. Там заплутать — раз плюнуть, а искать тебя кто пойдёт?

Он повернулся и пошёл вниз, к селу, разматывая на ходу верёвку и уже не глядя на Санала. Санал остался стоять.

Пёс шёл ходко, в одну сторону, не петляя, не кружа и не возвращаясь. Куда и зачем — этого Санал по одному следу знать не мог.

Санал поглядел за бугры, где кончалось знакомое, и пошёл туда.

За буграми земля пошла ниже и переменялась. Трава стала реже, земля — плотнее, суше, серее; кое-где белела солью проступившая плешь, и по ней хрустело под ногой. Следы на такой земле не держались: Санал шёл, и его собственные отпечатки осыпались за ним, едва он снимал ногу. Он думал, что и Хасар шёл здесь так же — быстро, туда, куда вёл его запах, которого Санал не чуял и о котором мог только догадываться по тому, как ровно, без петель, ложился след там, где он ложился.

Земля тут лежала голая и просторная, без плетней, без дворов, без единой приметы, за какую взялся бы глаз, и оттого казалась ещё больше, чем была. Санал шёл по ней один, маленький, и слышал только свои шаги да ветер; и ни разу за всё это время не залаяла ни одна собака — некому было лаять.

Скоро впереди легла дорога — широкая, наезженная, твёрдая, вся в сухих застарелых выбоинах. Санал вышел на неё. На твёрдом следов не было, но там, где колесо сбивало к обочине мягкую пыль, он приседал и искал — и нашёл. Отпечаток был чёткий, вдавленный глубже к пятке: четыре пальца, коготь. Санал приложил к нему ладонь. След был чуть меньше ладони и сбит на левую сторону — так Хасар всегда ставил эту лапу. Он узнал его, как узнают руку.

— Здесь, — сказал он тихо, в пустую дорогу. — Ты здесь прошёл.

Он пошёл по дороге, не отрывая глаз от земли. Где след пропадал на твёрдом, Санал не искал его наугад — держал в глазу направление и шёл по нему, пока пыль у обочины не отдавала новый отпечаток; так он и двигался, от следа к следу, как переходят реку по камням, не глядя на воду между. И находил ещё и ещё — в мягких местах, у обочины, — и все они вели вперёд, от села, в одну сторону. У одного места он остановился. В пыли на обочине отпечталось собачье тело — примятое в длину, с ямкой там, где лежала голова, и с бороздками там, где скребли, устраиваясь, лапы. Хасар ложился здесь.

Санал присел рядом, положил ладонь на примятое. Пыль хранила форму — бок, поджатые лапы, вытянутую шею; и он увидел, как Хасар лежал тут, у дороги, вытянувшись, мордой вдоль дороги — в ту сторону, откуда мог кто-то прийти. Санал не стал думать, кого пёс тут ждал и ждал ли. Он поднялся и пошёл дальше, но лёжка эта осталась с ним и на ходу, будто он унёс её на ладони.

* * *

За поворотом дорога пошла под уклон, и внизу открылась вода — не такая, как дома. Дома вода стояла тихо, тёплая, заросшая камышом, и в ней видны были дно и своё лицо. Эта лежала в низине тёмным ильменём — глубокая, непроточная, без камыша по краям: такую воду нагоняет весной, половодьем, и она стоит всё лето, никуда не уходя, темнея год от года. Над ней у самой кромки садились и без звука

взлетали птицы. Санал остановился над обрывом и поглядел вниз, и по спине прошёл холодок, какого не бывало у своей воды.

Он подумал, что Хасар не полез бы в такую: тот любил мелкую, где можно стоять по брюхо, пить и видеть под собой дно; а у этой дно уходило вниз сразу, чёрное, и не видать было, глубоко ли. И вода эта, хоть и стояла тихо, казалась Саналу живой и недоброй — из тех, что тянут вниз и не пускают. Но след сворачивал к воде. Санал спустился по осыпи к самой кромке. Тут, на мокром берегу, где земля держала всё, отпечаток лежал чёткий и глубокий, с растопыренными пальцами, налитый по краю водой. Санал тронул край пальцем — тот был ещё сырой, не оплыл, не обсох. Хасар прошёл здесь недавно, может, к утру.

Санал присел у самой воды. От неё тянуло холодом и глубиной; по тёмной глади изредка расходились круги — не от ветра, а откуда-то снизу. Он отодвинулся от края.

Он пошёл берегом, глядя под ноги. Берег вилял; в одном месте следы раздвоились — одни тянулись низом, у самой воды, другие сворачивали наверх, к дороге. Санал остановился между ними, не зная, куда.

— Хасар, — позвал он негромко. — Ты где?

Никто не ответил. Только стояла тёмная вода, не двигаясь, да в жёсткой траве у кромки что-то возилось и смолкло. Санал поглядел на глухую глубину и выбрал те следы, что уходили к дороге: в такую воду Хасар не полез бы. Он знал

свою собаку.

* * *

Дорога поднялась от воды и привела его к селу.

Он встал на краю и понял, что село чужое. Дворы стояли не так, как у них, и жались друг к другу теснее; плетни были вязаны по-другому, из другой лозы; и по улице никто не ходил, только из одной трубы тянуло дымом да где-то мычала невидимая корова. Он стоял на дороге чужого села, и ему сделалось не по себе, как не бывало дома. Здесь его не знал никто, и он не знал здесь ничего — ни куда какая тропа, ни где вода, ни чьи собаки за какими плетнями.

Он постоял, не решаясь войти в улицу, и хотел было повернуть — но след привёл сюда, а раз след привёл, то и Хасартут был, и кто-то мог его видеть. Санал пересилил себя и пошёл вдоль плетней. В одном дворе баба у корыта молча проводила его глазами; за другим плетнём кинулась на его шаги собака, забилась, захрипела на цепи — чужая, злая. Не его.

— Ты чей?

У ближнего двора стоял парень с ведром — постарше Санала года на три-четыре. Смотрел не зло, а с любопытством, склонив голову набок.

— Собаку ищу, — сказал Санал. — Серую. С белой грудкой.

Парень поставил ведро на землю, подошёл к плетню.

— А была такая, — сказал он. — Вчера. У нас во дворе лежала, вон под тем плетнём, в тени.

Санал шагнул к нему через дорогу.

— Живая?

— Живая, чего ей. Полежала, отдышалась. Я ей воды вынес в плошке — попила. Тощая только, бока впали, и лапы сбиты. Издалека, видать, шла.

— А потом?

— А потом встала и пошла. Я думал, приبلудная, хотел придержать — а она не далась, ушла себе. Утром гляжу — нету.

— Куда пошла?

— Не видал. Туда куда-то. — Парень махнул рукой вдоль улицы, к дальнему краю села. — Я за ней не глядел.

Санал молчал. Он хотел спросить ещё — сильно ли она хромала и на какую лапу, не звал ли её кто, в какую сторону глядела, лёжа, — и не спросил ничего, потому что вопросов было слишком много и все они разом не помещались в рот, толкались и не выходили. В руках у него не было ничего; только в кармане лежал свёрнутый ремешок, и он, сам того не замечая, держался за него сквозь ткань.

Парень поглядел на него внимательнее.

— Твоя, что ли, собака-то?

— Моя.

— И ты за ней — откуда?

— Из-за бугров.

— И давно она пропала?

— Третий день.

— И третий день ходишь?

— Хожу.

Парень помолчал, будто примерил это на себя.

— Я б, наверно, тоже пошёл, — сказал он тише. — Была б моя.

Парень присвистнул, поглядел на бугры за спиной Санала, потом на солнце, что стояло уже низко и красно над крышами.

— Ну ты дал. — Он покачал головой почти с уважением. — Далеко же тебя занесло за собакой. Ты давай назад, покуда светло. Стемнеет — тут дороги путанные, между ильменями закружат, не выберешься. Иди прямо на бугры и не сворачивай.

— А как её звать-то, собаку? — спросил парень вдруг.

— Хасар.

— Хасар, — повторил парень, будто запоминая. — Ладно. Увижу — придержу.

— Спасибо, — сказал Санал.

Он повернулся и пошёл обратно.

* * *

Назад он шёл быстро, потом побежал, потом опять пошёл, когда закололо в боку. Дорога стелилась длинная, и он не помнил, сколько прошёл по ней за день; теперь она отдавала ему это расстояние обратно, шаг за шагом, и к концу ноги уже не слушались, а подошвы жгло, будто он ступал по горячему. Солнце садилось ему в спину и гнало впереди длин-

ную тень, и тень доставала до бугров раньше него. Во рту пересохло, в горле першило от пыли; воды он с собой не взял, а к чужой не наклонился, и теперь язык во рту был как чужой. Хотелось лечь прямо на дорогу и не вставать, но он не ложился: знал, что тогда и правда не встанет, а до дому было ещё далеко.

Ему хотелось домой — до боли, до слёз, которых он не пускал, — к своей стене, к своему двору, где всё было знакомо и где даже пустое место было своим, знакомым пустым местом, а не чужим.

Он боялся сбиться. Дорога была одна, но в сумерках всё делалось на одно лицо, и бугры, что утром стояли знакомой чередой, к вечеру слились в общую тёмную гряду. Он держал в уме приметы, что запомнил днём: солончаковую плешь, промоину на боку бугра, кривой столб у развилки, — и по ним вёл себя сам, как днём вёл его собачий след. Один раз он всё же сбился — свернул не у того столба, прошёл сотню шагов и не узнал земли под ногами; ёкнуло под ложечкой. Он вернулся к развилке, отыскал в остывшей пыли свой утренний след и пошёл по нему.

Когда он вошёл в калитку, солнце уже село, и двор стоял в синих сумерках. Было тихо, только куры устраивались на насесте да позвякивала цепь у соседей. Место у стены было пустое, миска стояла сухая, как её оставили утром. Санал присел на корточки, тронул землю ладонью — холодная. Никто не ложился здесь и сегодня.

Из дома вышла мать. Она весь день собиралась его выбрать, но, увидев его — серого от пыли, чуть живого, со сбитыми в кровь коленями, — не сказала ни слова упрёка. Только оглядела с головы до ног, поджала губы и пошла греть ему поесть.

— Далеко ходил, — сказала Ээж. Она стояла в дверях; видно, ждала, выглядывала.

— Далеко.

— Нашёл?

— Следы нашёл. И человека, кто его видел, — в чужом селе, за водой. Он живой, Ээж. Вчера ещё был живой. Ему воды выносили, он попил.

Ээж покивала. Большой палец её на миг прижал подушечку указательного.

— Живой — уже много, — сказала она. Не «придёт», не «вернётся», не «собаки дорогу знают» — только это одно, но зато правду.

Она подошла, положила ему руку на макушку. Ладонь была сухая, тёплая и тяжёлая, и от этой тяжести у Санала вдруг подступило к горлу то, что он держал всю дорогу.

— А ты с ног свалился, — сказала Ээж, не убирая руки. — Второй день себя гонишь. Ноги не казённые, и ты не железный. Поешь и ложись. Пёс не пропадёт оттого, что ты поспишь.

— А если он ищет дорогу назад, а меня нет? — сказал Санал.

— Дорогу он и без тебя найдёт, — сказала Ээж. — А тебя ищи не ищи — спать надо. — Она подумала. — И вот что. Один за бугры больше не ходи. Отцу говори, куда собрался. Слышишь меня?

— Слышу, — сказал Санал.

За ужином он ел молча и смотрел на дверь. Дверь не открылась. Ночью он лёг и слушал; за плетнём лениво перебрёхивались собаки, ближе, дальше, и того голоса среди них не было. В ногах у него гудело от дороги, и горели сбитые за день подошвы.

Санал достал из кармана ремешок. Положил его рядом с собой на постель, накрыл ладонью и закрыл глаза.

Глава 4. Дорога домой

Хасар лежал у стены, на своём месте, положив во сне лапу на нос. Скрипнула калитка, шаги Санала ушли по дороге к воде — одно ухо повернулось им вслед и опало, голова осталась на лапах. А потом ветер переменялся.

Он потянул носом, не поднимая головы. С утра воздух был один и тот же, весь наперечёт: пыль, остывшая за ночь зола, нагретый саман стены, тёплый коровий дух из-за сарая, дальняя стоячая вода, мальчик, что только что ушёл по дороге к ней. Хасар знал этот воздух, как знают свою лежанку; из этих запахов, стоявших каждый на своём месте, был сложен весь его день. А теперь сквозь него прошло чужое — живое, тёплое, подвижное — и прошло с той стороны, куда он не ходил: от бугров, от дороги, что уходила за село.

Хасар поднял голову. Ноздри у него подрагивали, лова. Он полежал ещё миг, не двигаясь, только лова ноздрями, — а запах не уходил, шёл ровно, тёк с ветром, живой и близкий. Запах был не птичий и не коровий, не собачий и не человеческий; он был низкий, звериный, крался понизу, у самой земли, и звал за собой. Хасар встал, отряхнулся так, что хлопнули уши, и пошёл на него — сперва шагом, принюхиваясь, потом рысью, потому что запах густел и уводил.

Он шёл через полынь. Она цеплялась за шерсть и отдавала свой горький сухой дух, но тот, живой, тёк понизу, и Ха-

сар вёл по нему, опустив морду, и не сбивался. Двор оставался за спиной. Знакомые запахи — дым, корова, мальчик, тёплая вода — редели, отставали, уходили с ветром один за другим, а тот, впереди, делался всё сильнее. За плетнём коротко тьякнула собака; в другой день Хасар поднял бы на неё голову, а сейчас не поднял — запах был сильнее. Он шёл за тем, что было впереди.

Бугры он перевалил, не заметив как. За ними легла другая земля — ниже, суше, с реже стоящей травой, — но он не глядел на неё: запах вёл, и Хасар не отставал. След то делался сильнее, то слабел, петлял, обходил кусты и снова тянул вперёд, и пёс держался его, опустив морду. Он уводил Хасара вниз, к сырой ложбине, где трава стояла гуще и темнее, потом через сухой бурьян, потом на открытое, где ложился в пыль чётко, а на твёрдом пропадал, и Хасар брал его снова у обочины. Солнце поднималось и грело спину, но Хасар не глядел ни на солнце, ни на землю кругом — только на ту нить запаха, что тянулась перед ним. Ноги несли пса легко. Он был молод, след был свежий.

Запах привёл его к норе под корнями старого куста. Хасар сунул морду в тёмный ход — оттуда тёплой волной шибануло зверем, — и земля осыпалась ему на нос; он фыркнул, дважды чихнул, замотал головой. Потом припал на передние лапы и стал рыть. Он рыл всем телом, азартно: земля летела назад, между задних лап, когти скребли и цепляли корни, нос то и дело лез обратно в отверстие, до самых глаз в земле,

и он отфыркивался и рыл опять. Он совал в ход то нос, то лапу; земля набивалась под когти, оседала на морде, на ресницах. Из глубины пахло сильно, живо, только что.

Что-то там, под землёй, шевельнулось — глухо, чуть слышно. Хасар замер над раскопанной ямой, вскинул голову набок и прислушался к земле. Постоял так — и снова припал, и стал рыть, быстрее прежнего.

Ход уходил вглубь, под корни, куда лапам было не докопаться. Хасар оставил его, обошёл куст кругом, тычась носом в землю, и с другой стороны нашёл вторую дыру. Из неё тоже тянуло зверем, но слабее. Он обнюхал её, поскрёб — и вернулся к первой, где пахло сильнее.

Он лёг перед входом, положил морду на вытянутые лапы, и глаза его остались на тёмном отверстии. Изредка нос тягивал воздух; изредка ухо поворачивалось на неслышный звук. Тень куста, лежавшая поперёк ямы, сползала вбок и укорачивалась; земля под брюхом нагревалась. Муха села ему на ухо — ухо дёрнулось; села у глаза — Хасар мазнул по морде лапой, не поднимаясь, и снова уставился в нору. Зверь не выходил. Хасар зевнул, клацнув зубами, переступил передними лапами и снова замер, положив морду на землю.

Наконец он встал, встряхнулся и опять пошёл носом по земле, обходя куст шире прежнего. У второй дыры лежал свежий след — он уходил в траву. Хасар взял его, и азарт поднялся в нём снова, сильнее прежнего.

След повёл его через кусты, вниз, в сухую низину, где тра-

ва стояла по грудь, потом на открытое. И там, впереди, в траве мелькнуло серое, юркое — раз, другой. Хасар кинулся следом. Он шёл длинными махами, распластываясь над землёй, трава хлестала его по морде; серое метнулось вбок, ещё вбок — и пропало, ушло под камни или в новую нору, куда пёс не поспел. Хасар с разбегу ткнулся туда носом, поскрёб, обежал кругом, сунулся в щель между камней — не пролез, только ободрал плечо о камень. Запах ещё был, а зверя уже не было.

И только теперь Хасар остановился.

* * *

Он стоял, тяжело поводя боками, вывалив язык, и с него тянулась и падала слюна. Он поднял голову.

Солнце клонилось уже к вечеру, и тени легли в другую сторону; ветер шёл не с той стороны, что утром. Кругом, во все стороны, лежала степь — незнакомая, без единой приметы. Хасар повёл носом, поворачиваясь всем телом по ветру. Потянул ещё раз, и ещё. Ни двора, ни дыма, ни своей воды, ни мальчика — ничего своего в этом ветре не было.

Он двинулся в ту сторону, откуда, казалось, пришёл, опустив нос, — и, не взяв знакомого, вернулся к кусту, к последней норе. От куста он взял в другую сторону — и снова вернулся. Но по земле, пока он охотился, прошли и люди, и скот, и звери; следы легли поверх следов, перемешались, и своего утреннего среди них не было. Он опустил нос совсем низко, повёл им медленно — и не нашёл.

Хвост у него опустился. Пасть, открытая после бега, закрылась. Уши заходили — вперёд, назад. Он больше не тыкался в норы, не глядел на кусты. В траве неподалёку прошуршало, метнулось что-то мелкое. Хасар повернул голову, проводил его ушами и остался стоять.

Он пошёл. Земля под лапами менялась: трава редела, делалась жёстче и серее, кое-где проступала соль, и по соли хрустело; потом пошла твёрдая, битая дорога, а на твёрдом не держалось ничего — ни следа, ни запаха. Бугры уходили один за другим, все на одно лицо, и ни от одного не тянуло знакомым.

* * *

Ночь застала его в чужом месте.

Он покружил, разгрёб лапами землю под кустом, лёг и свернулся, как ложился дома у тёплой стены, и положил лапу на нос. Но земля под ним была холодная, чужая, а в траве всё шуршало, перебегало — и стоило зашуршать, как голова его поднималась сама и уши начинали ходить. Он не свернулся до конца: лёг вполоборота, мордой к ветру, чтобы тот шёл на него. Уши у него не ложились, стояли, поворачивались на каждый шорох; лапы то и дело подбирались, готовые поднять его. К полуночи потянуло холодом от земли, и он поджал лапы плотнее и уткнул нос в бок, но и так не согрелся. Далеко, за темнотой, перебрёхивались чужие собаки; ни один голос не был из тех, что он знал, и он не отвечал им. Дома он знал каждого пса по голосу, как по морде, и знал,

кто за каким плетнём; здесь не знал ни одного. Задремал он лишь под утро, ненадолго и неглубоко: чуть шуршало — голова поднималась, и он долго слушал темноту, прежде чем опустить её снова.

* * *

Утром он пошёл опять.

Чужая земля то падала в сухие балки, где на дне трескалась глина и стояла духота без ветра, то вставала голыми буграми, откуда во все стороны видна была одна степь без единой приметы. Хасар переходил солончаки, где соль щипала потрескавшиеся подушечки лап, и по твёрдому ступал осторожнее. Марево дрожало над степью, и дальние бугры плыли в нём, отрываясь от земли. Нос у Хасара пересыхал, и он то и дело облизывал его; шерсть на боках сваялась, набилась пылью и колючим репьём. Поднялся ветер, погнал по земле сухую труху и катучие шары перекати-поля, забил нос пылью так, что Хасар останавливался, чихал, мотал головой — и снова брал ветер. Раз далеко стороной прогнали отару; над нею стояло облако пыли, ветер донёс плотный тёплый дух овец и голос чужой собаки при них, и Хасар постоял, вскинув голову, поглядел издали, потом свернул и обошёл стороной.

Ветер он держал носом на ходу, поворачивая голову на всякую нить, что тот приносил, — и всякая нить была чужой. Бока его втянулись, обозначились рёбра; он пил из луж, где вода стояла тёплая и горькая, и жажда от неё не проходила;

в самую жару забивался в редкую тень под куст, ложился, тяжело дыша, приоткрыв пасть; а как спадал зной и от земли тянуло прохладой, поднимался и шёл дальше, и в вечерней прохладе идти было легче.

* * *

Он шёл, пока к полудню впереди не показались крыши. Вышел он к ним не сразу: сперва потянуло дымом и человеком, потом стали слышны голоса, стук по дереву, скотина за плетнями; потом из-за бугра открылось и само село.

Дворы стояли тесно, плетни высокие, из чёрной лозы, вязаны не по-здешнему; пахло чужим дымом, чужими людьми, чужой скотиной, и всё это было не то. За плетнями брехали собаки, чуя его, и он обходил их стороной, держась середины улицы. В одном дворе на него с лаем бросился пёс, кинулся к плетню на всю длину цепи; Хасар свернул и ушёл, и пёс, погромев цепью, отстал. От дворов тянуло едой — хлебом, варевом, — и живот у Хасара сводило, но к дворам он не сворачивал.

У крайнего двора он лёг в тени плетня, отдышаться. Бок ходил часто, язык вывалился на сторону, с него капало. Из дома вышел парень с ведром, увидел его, постоял, потом поставил ведро и вынес в плошке воды. Он двинулся было ближе — Хасар поднялся и отступил на шаг. Парень отошёл и стал поодаль. Тогда Хасар подошёл к плошке и стал пить — долго, до дна, и ещё стоял над пустой. Парень смотрел, не подходя и не гоня. Хасар отвернулся от плошки и пошёл сво-

ей дорогой.

* * *

За тем селом снова легла степь. Хасар держал нос по ветру, поворачивая голову на всё, что тот приносил, и шёл, шёл туда, откуда тянуло хоть чем-нибудь, — а тянуло отовсюду чужим. Земля не кончалась: те же бугры, та же полынь, та же соль, те же дальние дворы, к которым он больше не подходил.

Он вышел на твёрдую наезженную дорогу — по ней идти было легче, чем по целине. Дорога вела от села к селу, мимо чужих ильменей, где стояла глубокая тёмная вода без камыша, мимо пустых кошар, мимо голых мест, где ничего не росло. Твёрдая земля была горячее и била в разбитые подушечки; Хасар держался обочины, где пыль лежала мягче и прохладнее. День клонился к вечеру, тени бугров ложились поперёк дороги всё длиннее. С темнотой Хасар свернул под куст, лёг, свернулся, положил лапу на нос — и снова поднял голову на первый же шорох. Так он пролежал ночь, вполглаза, мордой к ветру. Утром поднялся, отряхнул с шерсти сырость и пошёл дальше.

К вечеру, когда солнце село за бугры и степь стала остывать, земля под лапами пошла знакомее: та же полынь, та же солоноватая пыль, что у своих бугров, и дальний собачий голос, какого он давно не слышал. Хасар прибавил шаг, забирая ветер широко.

И среди чужих запахов прошёл один слабый, но знако-

мый. Хасар стал как вкопанный, поймал его, теряя и снова беря, и пошёл на него, и с каждым шагом тот делался сильнее. След вёл через полынь, через сухую траву, к плетню на краю двора.

Он вышел к плетню и поднял морду. На верхней жерди, в последнем свете уходящего дня, сидел Камыш.

Тот самый. Их кот. Он сидел, подобрав передние лапы, и смотрел вниз на Хасара, и хвост его свешивался с жерди и чуть шевелился. Кот не прыгнул, не подошёл, не подал голоса — он просто сидел и смотрел, как смотрит на всё, что проходит мимо. Хасар стоял под ним, задрав голову, и бок его ходил, и с языка капало; кот моргнул раз, другой, лениво, и отвёл глаза. Хасар узнал его запах — знакомый, свой, из тех, что были во дворе с самого начала. Кот посидел ещё, потом встал, потянулся, прыгнул с плетня на ту сторону и ушёл в сухую траву. Хасар постоял под плетнём, снова потянул носом ему вслед — и повёл мордой шире, по всему ветру.

* * *

Ветер принёс следующий знакомый запах, за ним ещё.

Вот тина и тёплый ил — его вода, стоячая, мелкая, заросшая камышом, та, в которой можно стоять по брюхо. Хасар вскинул голову, шумно втянул воздух и прибавил шаг. Вот дым — не всякий, а тот самый, с горькой полынной ноткой, какой шёл от их печи по вечерам. Вот их корова, с её особым тёплым духом. Вот собачьи голоса — и в них наконец был

знакомый: рыжая соседская, с ленивым редким лаем; за нею другая, залиvistая; дальше ещё, все на свои голоса, все по своим дворам. А ближе к двору, поверх всего, встал запах мальчика, что жил в этом дворе.

Хасар перешёл на бег. В боку колело, воздух рвал сухое горло, но он бежал и не мог не бежать. Земля под лапами делалась знакомее с каждым шагом: вот тропа, по которой он бежал за мальчиком к воде; вот куст, у которого они лежали в тени; вот канава; вот старый пень у поворота к калитке. Ноги сами понесли его этим последним, знакомым путём.

* * *

Он вбежал в раскрытую калитку и стал.

Санал сидел у стены и смотрел на калитку — прямо туда, откуда вошёл Хасар. Хасар стоял, и бок его ходил часто, и ноги дрожали от бега. Он не сразу пошёл, только смотрел; весь он был серый от пыли, ободранный и тощий, с потрескавшимися от дороги лапами.

Санал поднял голову.

Хвост у Хасара качнулся и дважды ударил по пыли. Потом он оторвался от места и пошёл к нему через двор — тяжело, разъезжаясь на дрожащих лапах, — подошёл вплотную и ткнулся сухим горячим носом ему в колено.

Санал поднял руку и положил ему на голову. Хасар повернул морду и коротко ткнулся носом во внутреннюю сторону его левого запястья.

— Пришёл, — сказал он.

Хасар сел — сел разом, тяжело, будто ноги под ним подломились, — и с языка капало на пыль. Он смотрел на мальчика снизу вверх и больше ничего не делал — только тяжело дышал.

Гиляна вынесла воды. Хасар пил долго и шумно, расплёскивая воду по земле, вылизал миску до сухого дна и ещё постоял над ней. Потом она вынесла немного еды, и он съел жадно, давясь и глотая не жуя. Потом отошёл к стене и лёг на своё место — в ту ложбинку, что всё это время держала форму его тела. Санал сел рядом на корточки, не трогая его, только глядя, как часто ходят его запавшие бока.

Двор стоял кругом, как стоял всегда: пахло дымом, коро-вой, курами, нагретой за день стеной, и все запахи были на своих местах. Хасар лежал среди них, вытянув лапы, и бок его понемногу выравнивался; дрожь, что колотила его от бега и голода, унималась, тело тяжелело и оседало в тёплую землю. Он не поднимал головы на звуки двора — на скрип ведра, на кудахтанье, на голос за стеной; ухо поводило на них и опадало, а голова оставалась на лапах. Он лизнул разбитую подушечку на передней лапе, вытянул лапу и положил на неё голову; глаза его закрывались сами.

* * *

Ночью Хасар поднялся, обошёл двор по краю и пошёл к дому. Дверь была притворена неплотно; он поддел её носом и протиснулся в щель. В доме было темно и тепло, пахло людьми, хлебом, остывшей золой — всем тем, чего не было

в чужой степи ни одной ночи. Санал спал на постели у двери. Хасар постоял над ним, обнюхал руку, лицо, волосы — и лёг рядом, на пол, у самой постели, положил морду на лапы и закрыл глаза.

Санал во сне свесил руку. Пальцы легли на шерсть и затихли.

Хасар не проснулся. Он дышал ровно и глубоко.

Санал руку не убрал.

Глава 5. Кошма

К полудню земля у стены оттаяла. На теневой стороне сарая ещё лежал иней, а у дома саман нагрелся, и с края крыши капало — капля набухала, срывалась, тёмным пятном уходила в землю. Санал вышел на порог, переступил босой ногой: верхний слой продавился под пяткой, тёплый, а из-под него выступила холодная жижа и обмазала ступню. Он счистил грязь о край доски и остался стоять. С той стороны крыши, где пригревало, срывались капли и долбили под застрехой сырую строчку в земле. У плетня куры разрывали прошлогоднюю траву, и воробьи подбирались за ними, отскакивая, когда курица близко выбрасывала лапой сухую землю, и снова садились в двух шагах. За стеной, в закуте, переступала и тяжело вздыхала корова. Камыш вышел из-под навеса, прошёл вдоль стены и лёг там, куда дошло солнце, вытянув передние лапы и положив между ними голову.

* * *

Со стороны выгона застучал костыль. Санал узнал этот стук раньше, чем отец показался в калитке: удар, шаг, короткая тишина, снова удар. Темир вошёл во двор не один — одной рукой он нёс у самой груди что-то серое, живое, и нёс бережно, чуть на отлёте, чтобы не притиснуть локтем. У приступка он прислонил костыль к стене, придержал ношу обеими руками, нагнулся и спустил её на землю. В ладонях

у него сидел щенок, прижавшись; когда Темир опустил его наземь, он не сразу отнял лапы от отцовской руки.

На землю встал щенок. Сперва он не пошёл: расставил передние лапы, качнулся, удержался. Он был мал, лапы велики ему не по росту, голова тяжела; серая шёрстка, тёмная морда, на груди белое пятно. Пух на нём был ещё детский, мягкий, серый, с тёмной остью по хребту. По телу шла мелкая дрожь. Уши висели, не встали ещё, и одно завернулось наружу, когда Темир вынимал из-под него руку; щенок встряхнулся весь, с головы, а ухо так и осталось завёрнутым, розовой изнанкой вверх. Темир поправил его пальцем — ухо легло, подержалось и опять отвалилось набок.

— У Аюки собака ошенилась, — сказал Темир. — Этого щенка отдали.

Щенок опустил нос к земле. Под ним был новый двор, и всё в нём пахло чужим. Он обнюхал землю у отцовского сапога, дошёл до костыля, задержался у нижнего конца, обмотанного тряпкой, лизнул; Темир отодвинул костыль, и щенок проводил его носом, потом снова уткнулся в землю.

— Маленький, — сказал Санал.

— Вырастет. — Темир сел на приступок и вытянул большую ногу.

Санал присел на корточки, протянул руку и держал её неподвижно. Щенок заметил не сразу — тянул носом воздух, где пахло дымом и хлебом, поводил головой, — потом оставил землю и пошёл на этот запах, к руке, оскользаясь на сы-

ром. Он ткнулся в пальцы мокрым холодным носом, прошёл им по ладони, между пальцами, лизнул один раз; пахло от него молоком, соломой и тёплой шерстью. Санал не двигал рукой. Щенок ткнулся ещё, привалился боком к его колену и постоял так. Санал провёл ладонью по мягкой голове, по завёрнутому уху; щенок не отстранился.

У сарая хлопнула крыльями курица. Щенок отпрянул, повернулся; курица шла через двор, высоко переставляя лапы, и он двинулся за ней — не добежал: она развернулась, ударила крыльями над ним, и он сел там, где стоял, поджав зад. Темир усмехнулся. Санал смотрел, как он сидит, растопырив лапы, и поводит носом на новый двор, и не отходил.

* * *

Из дома вышла Ээж, поглядела на щенка — на белое пятно на груди, на завёрнутое ухо.

— Наш? — спросила она.

— Наш.

— Двору собака нужна.

Она вернулась в дом и вынесла старый кусок кошмы — серой, выбитой за зиму; по одному краю войлок истончился почти до основы, посередине была проплешина с ладонь. Ээж сложила кошму вдвое, чтобы толще, положила у стены, недалеко от печи, и придавила ладонью, чтобы не загибался угол. Потом вынесла плошку с молоком.

— Сюда его.

Санал подхватил щенка под грудь; тот сразу заработал

всеми четырьмя лапами, одна зацепилась за рукав, и он вытянул шею, ткнувшись носом Саналу в подбородок. Санал перенёс его к кошме, поставил. Щенок замер — под лапами было мягко; переступил, когти зацепились за войлок, он дёрнул лапу, понюхал место, где она стояла, поскрёб ещё раз.

К плошке он не пошёл — топтался на войлоке, тыкался носом в складки. Ээж окунула палец в молоко и поднесла к его морде. Щенок потянулся, слизнул каплю.

— Вот так, — сказала она.

Ээж обмакнула палец ещё раз и отвела к плошке; щенок пошёл за пальцем и ткнулся мордой в молоко — сунул слишком глубоко, хлебнул носом, поперхнулся, отскочил с чихом; плошка от толчка поехала по войлоку, молоко плеснуло через край. Щенок сунулся за уезжающей плошкой, толкнул её ещё, загнал в угол к стене; Санал придвинул её обратно и придержал рукой, чтобы не ездил. Щенок посмотрел на него, подошёл опять и на этот раз начал с краю. Лакал быстро, разбрызгивая, роняя капли с брылей; передняя лапа медленно съехала в плошку, а он всё пил. Когда молоко кончилось, он ещё долго водил языком по дну, потом поднял морду — на носу и на усах остались белые капли — и облизнулся. Санал вытер ему морду рукавом; щенок лизнул рукав, ткнулся носом в руку и вернулся к плошке. Ээж забрала пустую плошку. На войлоке осталось молочное пятно, и щенок ещё раз прошёлся по нему языком.

Санал сидел на корточках у кошмы, не отрываясь от щен-

ка. Ээж постояла над ним, нагнулась и притянула его к себе.
— Ач минь, — сказала она. Внучек мой. Провела ладонью по волосам, пригладила вихор.

Гиляна, проходя через двор, поглядела на них.

— Зачем ты его всё балуешь?

— Кому его баловать, как не мне, — сказала Ээж и притянула крепче. — Көвүн минь.

Санал повёл плечом — его тянуло к щенку, — и Ээж отпустила, подтолкнула в спину.

Щенок обнюхал мокрый край кошмы, прошёл по нему, поскрёб войлок передними лапами, сгрёб его в валик под грудь, повернулся раз, повернулся другой и лёг в него; голова подержалась несколько мгновений и опустилась на передние лапы. Санал сел рядом на пол и смотрел, как ходит его бок. В доме звякнула посуда, во дворе курица опять полезла к стене, Камыш перевернулся на другой бок — щенок уже не слышал. Одна передняя лапа его медленно поднялась во сне и легла поперёк носа. Санал протянул было руку поправить — и не стал. Посидел ещё немного и ушёл, когда Гиляна позвала, а на пороге ещё раз оглянулся на кошму.

К вечеру он пошёл проверить щенка. На кошме было пусто: тот добрёл до порога, привалился к холодному косяку и там свалился, где сморило. Санал поднял его — сонного, обмякшего, тяжёлого не по росту; щенок приоткрыл глаза, лизнул воздух, ткнулся носом Саналу в шею и снова обмяк. Санал перенёс его на кошму и подождал, пока он, повозив-

шись и потоптавшись, не улёгся в примятое.

Ночью щенок проснулся один. В доме было темно и незнакомо, пахло не так, как днём, — остывшей печью, чужими людьми, их сонным дыханием. Он сошёл с кошмы на холодный пол и пошёл вдоль стены, нюхая понизу: у порога тянуло со двора, от лавки — хлебом, из тёмных углов — ничем знакомым. Он потыкался в темноту, поскулил тонко и коротко, смолк, потыкался ещё. Потом повернул назад. Войлок пах молоком и им самим. Щенок влез в примятую ямку, окружил, сгрёб войлок под грудь и лёг, сунув нос под лапу. Скулить он больше не стал.

На другой раз Санал макнул палец сам: обмакнул в молоко, поднёс щенку. Тот облизал палец, потом ещё, прихватил и выпустил; Санал засмеялся и снова обмакнул. Скоро, когда Санал ставил плошку, щенок тянулся сперва к руке — облизывал палец до самой ладони и только потом принимался лакать. Когда молоко кончалось, Санал проводил пальцем по мокрому дну, собирал последнюю каплю и подносил ему; щенок вылизывал палец и ещё тыкался носом в ладонь.

Ээж однажды прошла мимо, поглядела на них и ничего не сказала — только передвинула плошку подальше от края кошмы, чтобы щенок опять не опрокинул её.

* * *

К вечеру Ээж вынесла к порогу рыбу, которую Темир принёс с ильменя. Только положила доску на колени — Камыш уже поднялся от стены, прошёл неспешно через двор, сел

от неё в шаг и обвил хвостом лапы. Ближе не подходил, не тёрся о руку, голоса не подавал — сидел прямо, глядя мимо, и ждал. Ээж взяла нож; чешуя пошла с рыбы сухим шорохом, серебристые чешуйки садились ей на руки, на доску, на порог. Камыш не двинулся, только повёл на неё ухом. Ээж вспорола брюхо, выбрала внутренности, отделила голову, сложила чистое в миску, а хвост, счистив с него чешую, положила рядом с собой на землю, не глядя. Камыш взял его тут же, отнёс на полшага, придержал лапой и стал есть, отрывая от хребта и отворачивая морду вбок.

На кошме зашевелился щенок: поднялась голова, потом нос — он потянул воздух, спустился с кошмы и пошёл к порогу, от одного запаха к другому, забирая в сторону и возвращаясь, пока не дошёл до кота. Камыш перестал есть, поднял на него глаза. Щенок остановился в нескольких шагах, постоял, поводя носом, потом качнулся ближе и вытянул морду к рыбе. Камыш ударил хвостом по земле — раз, глухо; больше ничего — не поднялся, не выгнулся, не зашипел. Щенок отдёрнулся, попятился, задние лапы разъехались, и он отошёл к кошме; оглянулся — Камыш уже снова ел.

Ээж отрезала кусок рыбьей кожи, бросила щенку; он кинулся, подхватил зубами и унёс на кошму — грызть, придерживая лапой.

Через два дня он сам пришёл к стене, где на тёплой полосе лежал Камыш. Шёл вдоль самана носом к земле, задержался у приступка, у места, где днём сидели куры, и дошёл до кота.

Понюхал его бок. Камыш открыл один глаз; щенок застыл с поднятой лапой, не доведя её до земли. Кот посмотрел на него сбоку и закрыл глаз. Щенок опустил лапу и лёг тут же, в шаге от него, на прохладном. Камыш его оттуда не согнал. На завтра щенок лёг ближе, и кот только повёл на него ухом. Через несколько дней между ними уже можно было пройти, не подняв ни того, ни другого.

* * *

Набегавшись, он совался пить. До воды в кадке было не достать: он тянулся, вставал передними лапами на клёпку, скрёб когтями, соскальзывал на землю и всё не доставал. У кадки, куда Гиляна расплёскивала, натекла лужица; щенок сунулся в неё и с разбегу забрал носом воду — задохнулся, отскочил, зачихал, замотал головой, разбрасывая брызги. Отчихавшись, он подошёл опять, но теперь тянулся к воде с краю и носа уже не совал.

За сараем в закуте стояла корова. Щенок подходил к ней на запах, шедший из закута, — большой, тёплый, чужой, с духом сена и молока, — и останавливался, не решаясь. Однажды всё же потянулся носом к её задней ноге; корова переступила и качнула над ним головой, и он отлетел в сторону, прижав уши и поджав хвост. Но на кошму не убежал — остановился у сарая и смотрел, а через минуту подошёл опять, только держался теперь поодаль, обходя её большое тело стороной и не спуская с неё глаз.

Раз, набегавшись, он полез за Ээж в дом — на тепло, на

запах хлеба, — и сунулся носом за порог. Гиляна повернулась от печи и повела на него рукой: «Куда». Щенок остановился на пороге, поглядел в дом — и отступил назад, за порог.

У плетня была щель, и оттуда тянуло чужим двором и чужой собакой. Щенок долго обходил это место, потом сунул морду глубже, набрал запаха и залаял в щель — первый голос вышел тонким, почти писком, — и сам отскочил, испугавшись его. С той стороны ответили, тяжело и низко, у самой щели; щенок рванул через весь двор к кошме, вжался в неё и уже оттуда пролаял ещё. На завтра он вернулся к щели, понюхал, постоял и гавкнул первым. С той стороны сразу отозвались басом. Щенок попятился — но не убежал: хвост поднялся, и он остался стоять у плетня и пролаял ещё раз.

Что находил по двору, щенок стаскивал на кошму — щепку, обрывок верёвки, обглоданную корку — и грыз там, придерживая лапой. Раз Ээж подняла кошму и вытряхнула из складок всё, что набралось; щепка упала ближе других, и щенок, стоявший рядом, тут же взял её и снёс обратно на войлок. Ээж поглядела на него, ничего не сказала, положила кошму на место, расправила и придавила угол ладонью. Позже, когда щенок подрос и, вытянувшись, стал доставать задними лапами до голого пола, она развернула войлок во всю ширь; щенок обошёл ставшее больше место, натоптал в нём ямку по себе и лёг посередине.

* * *

Костыль Темира щенков узнавал по стуку и поднимал голову, стоило тому послышаться за калиткой. На Гилянну смотрел, когда она проходила с ведром или несла птице. За Ээж иногда шёл сам — от её рук пахло мукой, рыбой, дымом, и у неё бывало молоко.

Щенок мог спать, когда по двору ходили остальные, мог не поднять головы на хлопнувшую дверь; но стоило Саналу заговорить за углом дома, первым поднималось одно ухо — то, что стояло, — ещё прежде, чем открывались глаза. Потом щенок вскакивал и, когда Санал выходил из-за угла, уже шёл ему навстречу — не всегда бегом, иногда просто подходил и прижимался боком к ноге. Раз Санал задержался за калиткой, разговаривая с соседом; щенок спал на кошме и на чужой голос не поднялся, но на голос Санала поднял голову — и пошёл к калитке, ткнулся носом в нижнюю щель, туда, где был Санал, и стоял так, пока тот не вошёл.

Санал носил воду, задавал курам, выгребал за коровой, и щенок таскался следом, путаясь под ступнями, хватая за штанину. Санал шёл к кадке — щенок совался под ведро; нёс курам мерку — щенок лез в неё носом, и Санал отводил его локтем. «Отойди», — отодвигал его коленом, и через два шага щенок опять был рядом.

Уши у щенка тем временем менялись: одно поднялось раньше другого, и он ходил по двору с одним стоячим ухом и вторым, что валилось набок. Санал брал второе пальцами и ставил торчком; щенок мотал головой, и оно падало обрат-

но, и Санал смеялся.

Вечером Санал часто садился у кошмы, и они возились. Санал прятал пальцы под край войлока и шевелил ими — под кошмой поднимался бугорок; щенок замирал, склонив голову набок, потом кидался на него всем телом, придавливал лапами и грыз войлок, а пальцы уходили дальше, и бугорок вставал в другом месте. Кошма елозила под ним и сбибалась к стене, и Санал выравнивал её ладонью. Щенок ловил руку, валился с ней на спину и держал в зубах, не сжимая, только взрыкивал, когда Санал шевелил пальцами. Потом он валился на бок и лежал с открытой пастью, вывалив язык; бок ходил часто. Санал клал ему ладонь на рёбра и руку снимал не сразу.

* * *

Ночью двор стихал: кур не было слышно, корова редко переступала в закуте, в остывающем доме потрескивало у печи. Камыш приходил к Ээж — вспрыгивал ей в ноги, проходил по одеялу, мял его несколько раз передними лапами и укладывался поперёк ступней; Ээж во сне переставала поджимать ноги и вытягивала их, и кот оставался на них до утра. Щенок в эти часы спал на кошме, свернувшись, сунув нос под лапу; изредка он дёргал лапами, и когти тихо скребли войлок, и из горла шёл тонкий придушенный звук. Раз он поднял голову среди ночи, послушал темноту, где ровно дышали спящие, повернул морду к двери — ничего — и снова лёг, сунув нос глубже под лапу.

* * *

Утром Ээж взяла веник и стала мести от дальней стены; сор шёл перед прутьями к двери — сухая травинка, нитка, крупинки земли, занесённые с обувью. Щенок спал. Ээж дошла до кошмы, где он лежал, и остановилась: передняя лапа его лежала за краем войлока. Она повела веником с одной стороны, потом с другой, и прутья прошли совсем рядом с лапой — щенок не проснулся. Ээж вымела сор из-под свободного края кошмы, поправила его носком ноги и щенка не тронула. Веник пошёл дальше, к порогу.

Глава 6. Котёл

Над огнём в доме кипел чёрный чугунный котёл, и в котле варилась кость. Котёл был старый, закопчённый, висел на крюке над самым огнём. Ээж с рассвета положила в него баранью кость — грудину с хрящом, на которой сберегла к зиме немного мяса, кость, что осталась с осеннего убоя, — залила водой из кадки и подвесила котёл над огнём. Огонь держала малый, ровный. На малом огне вода долго не закипала — грелась, парила, потом пошла со дна редкими пузырями, забелела по краю накипью. Навар выкипал понемногу, и Ээж подливала воды взамен ушедшей с паром, чтобы кость всё время была покрыта. Как поднялась пена, Ээж стала снимать её ложкой: вела ложкой по краю, собирала серую пену, сбрасывала в черепок, обтирала ложку о край и снимала опять; из-под пены навар выходил сперва мутный, а как сняла всю — просветлел, пожелтел, взялся сверху жирными глазками. Кость она загодя не обирала, мясо с неё не срезала. Мяса на кости было мало, самая малость, и по холодному дому от котла пошёл тяжёлый мясной дух.

Вода в кадке на дворе к утру взялась льдом. Санал вышел с ведром и топориком, обколол лёд, пробил корку и начерпал воды из-подо льда; пока нёс полное ведро, вода плескала на валенки и схватывалась на них коркой, а дужка жгла ладонь холодом сквозь варежку, пальцы на ней свело до кости.

У порога он обмёл валенки голиком, толкнул дверь плечом. Изнутри пахнуло теплом, дымом и наваром; от двери по полу потянуло стужей, а сверху, от печи, шло тепло, и в холодном доме над огнём дрожало марево жара. Санал долил воды в котёл — вода была ледяная, с крошкой льда, и котёл, приняв её, на миг притих, перестал парить, потом снова забрал жар. Санал подкинул в печь кизяку, помешал в топке кочергой — огонь взялся ярче, лизнул бок котла. Санал подкладывал в топку кизяк, ворошил кочергой, чтобы огонь не падал; кизяк тлел ровно, давал устойчивый жар, дым тянуло в устье. Навар кипел тихо, глухо ходил под пеной, теплом растекался по дому, и мясной дух густел, оседал по углам.

В доме с утра было по-зимнему: окна не рассвели, по углам держался ночной холод. Темир на дворе задавал скотине, гремел засовом, обметал, входя, валенки; Эж хлопотала у огня. Тепло шло от одной печи, и все жались к ней, к котлу, от которого по стылому дому расходился мясной дух.

Кость варилась до полудня и дольше; и Темир, и Санал, и пёс на кошме нет-нет да поводили носом на мясной дух, но к котлу до срока никто не лез — ждали, пока Эж снимет.

Пёс лежал у печи на кошме, на спине, раскинув лапы, подставив тёплой стене брюхо. За осень он вырос, вытянулся в кости, лапы стали ему впору, и серая шерсть загустела к зиме; к зиме он раздался, отяжелел, и, когда лежал, занимал уже половину кошмы; только одно ухо так и не встало — валилось набок. Белая шёрстка на груди раздалась вширь. Са-

нал поставил ведро, отогрел над огнём руки, застывшие на морозе, пока не отпустило пальцы, и сел на пол у кошмы. От него ещё несло со двора стужей, а от пса, пригревшегося у печи, шло тепло. Имя для него Санал держал про себя давно — и в то утро сказал вслух, впервые:

— Хасар.

Ближнее ухо повернулось на голос первым, раньше головы, — на голос, который пёс знал. Он поднял голову, потянулся, сошёл с кошмы, подошёл и ткнулся носом Саналу в колено, лизнул холодную с мороза руку. Санал сказал ещё раз, тише. Пёс поднял к нему морду, заглянул в лицо. Санал провёл ладонью по его голове, по завёрнутому уху, помял его в пальцах; пёс прижался к руке боком головы и не отстранился. Так они и сидели рядом у кошмы, мальчик и пёс, куда у печи не поспел котёл.

* * *

Мясо на кости дошло — Ээж тронула его ложкой, оно отходило от кости само. Она посолила навар теперь, в конце, кинула щепоть, помешала, сняла с ложки пробу, дунула, попробовала опять. Потом сняла котёл с огня. Достала из навара кость — мясо на ней разварилось, оголило хрящ, — положила на доску, стянула ножом то, что сползало с кости, разобрала пальцами на волокна. Мяса вышло на донышко, на всех понемногу. Разложила его по деревянным площадкам, поровну, залила сверху горячим наваром, посыпала резаным луком, что хранили с осени в подполе; остальной навар раз-

лила по чашкам — его пили отдельно, после мяса. А в плошку псу Ээж положила ту самую кость, с хрящами, с тем, что не сошло с неё, и плеснула сверху навару — ещё кипятком, только что с огня.

— Горячее, — сказала она, подавая плошку Саналу. — Пусть остынет.

— Я сам, — сказал Санал и взял её.

Дух мяса поднял пса с кошмы, где он грелся, и он был уже у ног Санала — сидел, тянул носом пар, глотал слюну, что капала с брылей на пол, и подавался мордой к плошке. Санал держал плошку высоко, чтобы остыла; она жгла ему ладони сквозь дерево, от навары валил пар в лицо. Ладони от плошки горели, он перехватывал её, держал на отлёте, дул на навар, мешал его ложкой, сгонял жар; жар не сходил — навар был только что с огня.

— Погоди, — сказал он псу и отвёл плошку выше. — Горячо.

Плошка ещё дышала жаром, навар в ней не остыл. Санал опустил её пониже. И Хасар не стал ждать: сунулся к самому краю и торопливо лизнул навар.

Сверху навар начал было стыть, а внутри держал жар — и обжёг псу язык. Хасар вскрикнул — коротко, тонко, — рванул морду назад, мотнул головой, и тем движением задел плошку под руками Санала. Плошка качнулась, накренилась, и часть навару перелилась через край на пол; на холодных досках он задымился, растёкся жёлтой лужей и по

краям стал стыть. Хасар отскочил, разинул пасть, ловя языком холодный воздух, замотал головой, потёр морду лапой, ткнулся ею в холодный пол — студил.

— Хасар! — Санал поставил плошку и на коленях качнулся к нему.

Хасар отступил от протянутых рук, вскочил, отбежал за печь, к стене, и там сел, прижав уши, вобрав голову в плечи. Санал потянулся к нему рукой, ладонью вперёд. Хасар отодвинулся вдоль стены, втиснулся в угол между печью и стеной, к самым доскам. Санал подался ближе — Хасар вжался в угол плотнее.

Санал остановился. Опустился на корточки в шаге от угла и позвал — тихо, одним словом:

— Хасар.

Ближнее ухо повернулось на голос. Но пёс головы не поднял и не подошёл — так и остался в углу, мордой к стене.

Ээж подошла, собрала тряпкой пролитый навар с пола, отжала тряпку в черепок, вытерла доски.

— Оставь его, — сказала она, разгибаясь. — Не тyani к нему рук. Захочет — сам подойдёт.

Санал руку опустил. Он не полез за псом в угол, не стал доставать — отсел от угла к стене, поодаль, привалился спиной к печи, сложил руки на коленях. Раз пёс в углу переступил лапами, вздохнул, — рука у Санала сама пошла было к нему, потянулась — и он отвёл её, положил обратно на колено, сжал в кулак. Так и сидел, не двигаясь, глядя, как ходит

у пса бок, да на то место у печи, где пролился навар и подсох на досках тёмным пятном. Огонь под вечер подкладывал Темир — Санал от стены не встал, к печи не подошёл, хотя топку прежде держал он. Хасар лежал в углу, у холодной стены, куда не доставало тепло печи, мордой к доскам; нет-нет да разевал пасть, водил языком по нёбу, и снова замирал. Из угла он не выходил — ни на дух мяса от котла, ни на голос. День уходил; свет в окне из серого стал жёлтым от печного огня, потом и его не стало. Ээж подтапливала печь, месила на утро тесто, гремела ухватом; входил и выходил со двора Темир, обметал у порога валенки. На дворе за вечерело рано; Ээж засветила лучину и при ней домесила тесто, обрала со стола. К вечеру печь притопили последний раз, и от неё пошёл ровный жар, а по низу, от двери и от окна, всё равно тянуло холодом. Ужинать сели без Санала. Семья хлебала горячий навар из чашек, заедала лепёшкой; Санал к столу не пошёл, остался у стены, и Ээж не позвала его дважды.

* * *

Ээж налила в ту плошку остывшего навару с волокнами мяса, положила туда же обглоданную кость и поставила у кошмы, где пёс ел всегда.

— Оголодает — подойдёт, — сказала она и отошла к печи.

Хасар к плошке не пошёл. Он поднялся из угла, перешёл на кошму и лёг, свернувшись, носом от плошки. Когда от неё тянуло мясом, он поднимал голову, водил носом в её сторону; раз поднялся, шагнул было к ней, вытянул шею над са-

мым краем — и сел, не дойдя, и вернулся на кошму. Плошка осталась стоять, где Ээж её поставила.

Пар над плошкой сошёл. Навар сверху затянуло плёнкой, и по краю плошки застыл белым ободком жир; к ночи навар в ней застыл студнем. В печи прогорели дрова, осели угли и подёрнулись серым пеплом; от печи потянуло уже не жаром, а остатным теплом, а по полу от заплывшего инеем окна поползла стужа, добралась до стены, застудила Саналу ноги. Он поджал их под себя, но с места не сдвинулся. Ээж убрала со стола, задула лучину; Темир, крихтя, полез на печь греть ногу. Печь протопилась, угли под пеплом теплились, но на всю долгую зимнюю ночь тепла в стенах было не удержать — дом остывал с краёв, от окон. Все легли.

Санал не спал. Он лежал на постели у стены, под тулупом, в темноте, и слушал. Дом остывал к утру; в стенах пощёлкивало дерево от мороза; за стеной, в хлеву, переступала скотина; на печи посапывал во сне Темир. За окном стоял мороз глухой, недвижимый, и в такую ночь всякий звук в доме был слышен далеко. От окна тянуло по полу стужей. На кошме дышал Хасар — ровно, глубоко; изредка когти его скребли войлок, когда он перебирал во сне лапами. Дыхание Санала в темноте оседало паром — так выстыл к ночи дом. Санал свесил руку с края постели вниз, к самому полу, раскрытой ладонью. Под тулупом телу было тепло, а рука, свешенная к полу, стыла отдельно, как чужая. У пола, куда сползал от окна холод и где он копился всего гуще, было студёнее все-

го; ладонь коченела, пальцы деревенели один за другим и переставали слушаться; холод подбирался по руке выше, к запястью, — а Санал руки не подобрал, не сжал пальцев. От кошмы, где лежал пёс, до постели было через всю тёмную комнату. В темноте Санал не видел ничего — ни кошмы, ни плоски, ни пса; он слушал. Долго было тихо; где-то в стене щёлкнуло, осело. Потом на кошме зашуршало: Хасар поднялся, встряхнулся так, что хлопнули уши, прошёл когтями по доскам.

Он нашёл в темноте плоску по запаху — по остывшему навару, что один и держался ещё в выставшем доме. Понюхал. Лизнул сверху застывшую плёнку — она отстала коркой; под ней навар за ночь застыл студнем, схватился холодом. Поднял голову. Лизнул ещё, с краю. И стал есть — понемногу, отдирая языком застывшее, шоркая по стылому дну; до кости, до хрящей, добрался, придавив плоску лапой, погрыз кость, обсосал хрящи. Съел, оставил обглоданную кость, повёл носом по тёмной комнате.

Потом когти прошли по доскам через всю комнату — от кошмы к постели; в темноте Санал вёл пса по одному этому звуку. У постели когти стихли. Санал слышал над самым полом дыхание, слышал, как пёс переступает у ножки постели, поводит носом. Хасар потянул носом раскрытую ладонь. Отступил на шаг, постоял. Потом подошёл и ткнулся в ладонь носом — мокрым, живым. Ладонь у Санала заоченела, отнялась от стужи, и он не сразу почувствовал прикосновение

— только мокрый нос да тёплое дыхание в отмёрзшей руке. Пёс замер, не отнимая морды.

Санал не шевельнул рукой. Не потянулся к псу, не схватил, не стал гладить. Он держал ладонь раскрытой, как держал. Хасар постоял, подвинул морду глубже в ладонь, ткнулся лбом. Тогда Санал повёл пальцами — самую малость — и тронул его за ухо, за то, что стояло; пальцы едва слушались от стужи, и он тронул легко, чуть, ухо было тёплое под ними. Хасар не отшатнулся. Он потоптался, вздохнул и опустился на пол у постели — тяжело, всем телом. Пол под ним был холодный, и он поворочался, устраиваясь, привалился боком к ножке постели, положил морду на лапы у самой руки. От пса, лёгшего внизу, к застывшей ладони потянуло теплом, и пальцы под ним понемногу стали отходить, слушаться. Санал так и лежал, свесив руку, не подбирая её. Дыхание пса под ладонью выровнялось, отяжелело ко сну. За окном намерзал новый иней; чернота в нём поредела, посерела, и проступил ранний свет. Под утро задремал и Санал.

* * *

Утром Санал проснулся оттого, что у постели, внизу, было тепло — от пса, что лежал под его свесившейся, застывшей за ночь рукой. За ночь окно заволокло инеем насквозь, и в белом стекле стоял ранний свет. Он опустил руку ниже, тронул тёплую голову.

— Хасар, — сказал он.

Пёс поднял голову, встал, потянулся и лизнул ему руку.

Хвост стукнул по полу. Санал спустился с постели на пол и сел рядом; Хасар привалился боком к его колену и положил морду ему на руку.

У печи Ээж раздувала утренний огонь. Она поглядела на них через плечо и ничего не сказала.

Плошка стояла у кошмы пустая, вылизанная до сухого дна.

Глава 7. Звёздочка

Отелилась корова в самый мороз, к ночи. Санал проснулся от её мычания — низкого, тяжёлого, чужого, не такого, каким она звала к дойке; за стеной, в закуте, она переступала, возилась, стонала. Темир уже встал, натягивал в темноте тулуп. Санал сунул ноги в валенки, накинул на плечи что было и вышел за отцом с фонарём.

На дворе стоял мороз — глухой, звёздный, без ветра; снег под валенками не скрипел, а взвизгивал на каждом шагу, дыхание стыло инеем на воротах. В закуте, за низкой дверью, было тепло от коровьего тела; пахло навозом, палым сеном и ещё чем-то — густым, кровавым, тяжёлым. Темир повесил фонарь на балку, присел у коровы, положил ей ладонь на круп, поговорил негромко — и не торопил, ждал. Санал стал у входа: в спину ему тянуло со двора морозом, а спереди шло тёплое, живое, и он переступал с ноги на ногу, чтобы не зазябли.

Долго ничего не менялось. Корова то налегала боком на стену, выгнув спину, то тяжело опускалась в солому, подламывая под себя ноги, лежала, натуживаясь, оглядывалась на свой пах — и опять поднималась. Дышала она тяжело, с хрипом, и от боков её валил пар. Темир сидел на корточках рядом, изредка клал ей ладонь на бок, слушал рукой — и ждал, не торопил. Фонарь на балке чуть качался, и тени по стене

ходили вместе с ним; фитиль нагорал, свет садился. Ноги у Санала в валенках зазябли на промёрзлой земле, он поджигал пальцы, переминался, но не уходил. Раз корова застонала так, что он подался было к ней — Темир не двинулся, и Санал остался у входа, не зная, куда девать руки, глядя, как отец сидит у коровы и ждёт своего часа. Потом под хвостом у коровы показался тёмный мокрый пузырь, и в нём — две передние ножки в плёнке, копытцами вперёд. Корова натужилась, застонала в голос, налегла; ножки вышли дальше, и за ними легла на них узкая морда. Корова передохнула, натужилась опять, всем телом — и вытолкнула телёнка разом, на солому, в мокрой пелене. Он вывалился тяжело, скользко, и лёг, как упал, вытянув шею, не двигаясь; бок его не поднялся. Корова разом обернулась на него, потянулась мордой.

Темир был уже над ним. Содрал плёнку с морды, пальцем выгреб из ноздрей, изо рта слизь, продул — телёнок не дышал, лежал тряпкой. Темир свернул тугой жгут соломы и растёр им грудь, бок, под лопаткой — сильно, грубо, будто тряс; телёнок дёрнулся, мотнул головой, чихнул и потянул воздух со всхлипом. Бок его поднялся, опал, поднялся опять.

— Тёлка, — сказал Темир. — Живая.

Корова повернулась, обнюхала телёнка, лизнула раз, другой длинным языком — шумно, забирая шерсть против ворса, поворачивая его мордой; язык у неё был широкий, шершавый, и телёнок под ним качался. От мокрого тельца на морозе в закуте шёл пар. Темир скинул с плеч тулуп, завернул

в него телёнка — скользкого, тяжёлого, неудобного, свесившего голову, — подхватил под себя и поднял на руки.

— В дом. Тут замёрзнет.

* * *

Санал побежал вперёд по хрусткому снегу, распахнул дверь, придержал, чтобы отец прошёл с ношей. Из дома пахнуло теплом, дымом, хлебом; мороз втянулся за ними по полу белым паром. Темир внёс телёнка в тепло, к печи, опустил на подстеленный мешок и развернул тулуп. Корова осталась в закуте и оттуда замычала — гулко, тревожно, зовя своё; была копытом, рвалась за телёнком, и Темир притворил за собою низкую дверь.

Тёлочка лежала на боку у печи, вытянув шею, и дрожала всем телом мелкой дрожью; шерсть на ней была тёмная от мокроты, слипшаяся сосульками, и от неё в тепле шёл пар. Санал взял чистой соломы, свернул жгутом и стал обтирать тёлочку — как обтирала бы её мать языком, против шерсти, — по спине, по бокам, по мокрому животу, где часто, коротко билось под рёбрами сердце, снимая налипшую слизь. Шёрстка под рукой была тёплая, липкая, пахла кровью и коровой; тёлочка вздрагивала, дёргала кожей там, где он тёр. Санал тёр, менял солому, тёр опять, пока шерсть не пошла суше и не начала подниматься, курчавиться на боках. На лбу, между глаз, из-под мокрого проступило белое пятнышко — звёздочка; он обтёр и его. Ресницы у тёлочки были длинные, тёмные, слиплись стрелками; она моргала, стряхивая с них,

и всё поводила на Санала большим влажным глазом. Под его рукой она понемногу переставала дрожать: тело теплело, шерстка сохла и вставала дыбом, курчавилась, и от печи на неё тянуло жаром.

Ээж засветила лучину, поставила греть воды в котле.

— Обтирай, — сказала она. — Обсохнет — сама встанет.

В закуте за стеной мычала корова, звала гулко и тревожно; тёлочка водила ушами на её голос, тянула морду к стене. Полежала, обсыхая, набираясь сил. Потом подобрала под себя передние ноги, качнулась, привстала на них — а задние разъехались по гладкому полу, копытца скользнули, и она осела обратно на зад. Санал подхватил было её под грудь — Темир качнул головой:

— Сама.

Тёлочка собрала ноги опять, толкнулась, поднялась на передние, потянула задние — они разъехались, копыто чиркнуло по полу, и она завалилась на бок, стукнув коленом. Полежала, тяжело дыша, поводя ушами на материн зов; бока её ходили часто. Потом подобрала под себя ноги и собралась в третий раз — вся, разом, — и встала на все четыре широко, как на ходулях, качаясь, разъезжаясь и сводя ноги обратно, дрожа в бабках. И устояла. Стояла, покачиваясь, свесив мокрый ещё хвост, растопылив ноги, и моргала длинными ресницами, и держалась. Санал глядел на неё снизу, сидя на полу, — как она стоит на своих четырёх, вся дрожа, в первый раз в жизни, — и не двигался, чтобы не упасть.

За спиной у Санала зашуршало, зашлёпало по полу: Хасар подобрался к печи, потянул носом кровяной, новый запах, подался к тёлочке, вытянув морду, и уже совался обнюхать. Санал перехватил его за холку.

— Нельзя.

Хасар упёрся всеми лапами, не сводя носа с тёлочки, тянулся к ней через руку, поскуливал тонко; Санал держал крепко и отводил, и пёс подавался назад через силу, скребя когтями по половицам. Санал отвёл его к порогу, придавил ладонью загривок — «сиди», — и пёс сел, вытянув шею, ходя ноздрями, взвизгивая, но с места не пошёл. Тёлочка на дрожащих ногах переступила, качнулась к Саналу и ткнулась мокрой мордой ему в грудь, в рубаху, оставив на ней мокрое пятно. Она тыкалась в него, искала, забрала губами край рубахи и стала посасывать, приняв за вымя; Санал придержал её за тёплую, ещё влажную шею, и она сосала пустую ткань, толкая его мордой снизу, как толкала бы вымя. Так он и сидел на полу у печи — между стоящей тёлочкой и сидящим у порога псом, — пока Темир не завернул тёлочку снова и не понёс обратно в закут, к корове. Санал пошёл следом. Корова встретила тёлочку низким мычанием, обнюхала, лизнула; тёлочка потыкалась мордой ей в пах, потеряла, ткнулась опять, нашла вымя — и стало слышно, как она сосёт, причмокивая, толкая корову снизу мордой, а корова стоит над ней смирно и жуёт.

* * *

К весне снег у дома сошёл, и двор развезло; земля под ногой стала вязкой, чёрной, и от кадки к порогу натоптали грязную тропу, и в разъезженных ямках её стояла бурая вода. С крыши текло — капля набухала на застрехе, срывалась, била в размякшую землю; по стене саман потемнел от сырости. Тёлочка ходила теперь по двору сама, на длинных, уже устойчивых ногах, оскользаясь в грязи, растопыриваясь, всхрапывая, и порой вдруг взбрыкивала, задирала хвост и неуклюже скакала боком, пока не осаживалась в лужу. Звёздочкой её назвали — за белое пятно во лбу. Корову выпускали из закута, и она стояла у сарая на солнце, жевала, качала головой, а Звёздочка держалась при её боку или совалась к Саналу, тыкалась в него мокрым носом, искала руку. Днём тёлочка ложилась спать на солнцепёке, вытянувшись у коровьих ног, а к вечеру принималась носиться по двору, взбрыкивая, и корова поводила за ней головой, не переставая жевать.

Хасар за лето вытянулся, оформился: грудь раздалась, лапа стала твёрдой, шаг широким; одно ухо у него стояло, второе валилось набок. По утрам, пока не сошла роса, Санал выгонял корову из закута на выгон, чистил под ней навоз, подстилал свежей соломы; Ээж садилась доить, зажав подойник коленями, и молоко било в него тугими звонкими струями, а после звук глох, шёл по молоку, по пене. Тёлочку в это время держали в стороне, чтобы не совалась к вымени раньше времени, и она рвалась, мычала тонко, тянулась мор-

дой. Санал носил воду в кадку, задавал курам мерку, таскал корове охапки сена — и весь день звал пса за собой по имени, что сам ему дал; звал у кадки, у сарая, у порога, звал не раз. Голос его Хасар знал: где бы ни лежал, поднимал сперва ближнее ухо, потом голову — и шёл на зов. Под ногами он путался, совался под ведро, лез мордой в куриную мерку, и Санал отводил его локтем, коленом — «отойди», — а через два шага пёс опять был рядом, у самой ноги.

Спал он на кошме у стены, где спал всегда; когда Санал переступал через него с ведром, пёс поднимал морду, провожал и опять клал её на лапы. Место это у стены было его: Ээж, подметая, обводила его веником, не тронув; Гиляна ставила рядом, но не на него. Угол у стены был Хасаров, как рыбий хвост во дворе был Камышев.

Пёс подрос и стал совать нос всюду — к тёлочке, к корове, за плетень, где тянуло чужим двором. Корова качала над ним головой, тёлочка от него шарахалась и разъезжалась ногами, и Санал отводил его локтем, коленом, оттаскивал за холку, а через два шага пёс был опять тут. Темир поглядел на это раз, другой, а после сел на приступок, вынес из сени старую сбрую, разложил её на колене. Кожа была старая, потёртая, чёрная от впитанного сала, местами потрескалась. Темир выбрал ремень поцелее, отхватил его ножом во всю длину — кожа резалась туго, с хрустом, — оскоблил лезвием заусеницы по краю, обузил конец; проколол шилом дырку, продел, попробовал на кулак. Ремешок вышел узкий, мяг-

кий, гнулся легко.

— Держи его на этом, — сказал Темир и подал Саналу. — Со двора — на ремешок.

Санал надел ремешок Хасару на шею. Пёс мотнул головой, зачесал по нему задней лапой, потом достал зубами, прихватил и потянул; Санал потянул к себе — пёс упёрся передними, взрыкнул, замотал головой, не выпуская; так они и тягались, и ремешок скрипел, натягиваясь, пока Санал не засмеялся и не отпустил конец. Хасар отнёс ремешок на кошму, лёг, зажал его лапами и стал грызть, взрыкивая; ремешок был мягкий, солёный от старого сала, и пёс мусолил его, перехватывал зубами, тряс, придавливал лапой. А Темир вбил у стены, над самым Хасаровым местом, гвоздь — приставил, пристукнул обухом топора, загнал по шляпку, — и ремешок повесили на него. Когда Санал после тянулся к этому гвоздю, Хасар был уже на ногах, у порога; а на дворе, чуть Санал отпускал руку слабже, пёс налегал на ремешок всем телом, тянул вперёд, и ремешок врезался в ладонь, скрипел кожей, и Санал откидывался назад, удерживая.

* * *

Воду брали из ильменя, за огородами. Прежде ходили Темир или Гиляна; к лету стал ходить и Санал — с ведром, по тропе, протоптанной по буграм, мимо чужих плетней, под уклон, к камышам, где стояла бурая, тёплая, тихая вода. Идти было неблизко. Тропа шла сухая, растрескавшаяся, пылила под ногой; полынь стелилась по буграм низко, седая,

горькая, пахла сухо; а по сторонам тропы стоял тамариск — розовыми метёлками, в рост и выше, — цеплялся за рукав, обдавал запахом при каждом шаге; над ним стоял звон кузнечиков, и солнце пекло в спину, и, покуда дойдёшь, рубашка взмокала на лопатках. А обратно полное ведро оттягивало руку из плеча, било краем по ноге, вода плескала через край на штанину и в валенок; Санал перехватывал скользкую дужку, менял руку, шёл, кренясь набок под тяжестью, и отдыхал, ставя ведро, у знакомого плетня на полдороге; там переводил дух, тряс занемевшей, с красной полосой от дужки рукой, менял её и брался опять.

Хасар ходил с ним на ремешке — тянул вперёд, вёл, оставливался нюхать у каждого плетня, задира л ногу, и Санал придерживал ремешок, наматывал конец на кулак, тащил пса за собой. У чужих плетней пёс упирался, набрав носом чужой двор, чужую собаку, приседал, не шёл, и Санал волок его дальше силой, а ремешок скрипел и врезался в кулак. А раз за ними со двора увязалась Звёздочка. Санал отвёл её к сараю — она вернулась; отвёл опять, толкая в грудь, — она вернулась снова и пошла следом, за самой его спиной, тычась мордой между лопаток. Так далеко от двора она ещё не отходила; Санал оглядывался — тёлочка шла за ним по пыльной тропе, оскользаясь на сухих комьях, спотыкаясь и догоняя, и он придерживал шаг, чтобы она не отстала, не осталась одна в чужом тамариске. Тамариск был ей выше спины; она шла в нём, теряя его из виду и находя опять — по запаху,

по голосу. У поворота, где тропа шла под уклон, она забрала мягкими губами край его рукава и пошла так, держась. Санал дёрнул рукав — тёлочка не пустила, только переступила рядом; губы у неё были тёплые, слюнявые, мягкие, и рукав промок насквозь до локтя. Санал засмеялся, повёл рукой в сторону — она так и держала, тянулась за рукавом. Рукав натягивался в её губах; она перебирала их, посасывала, пуская слюну, и шла рядом, держась за него, как держалась бы за материн бок. Он оставил, пошёл: с одной руки пёс на ремешке, за другую держится тёлочка, а между ними он с пустым ведром, и оба тянули его каждый в свою сторону.

У ильменя он поставил ведро на сухое, присел у края и зачерпнул оттуда, где почище, согнав ладонью зелёную ряску; от воды тянуло тиной, тёплой стоячей гнилью, у берега вилась мошка, и стрекотало в камыше. Звёздочка воды такой ещё не видала; она тянула к ней морду, фыркала, дышала на воду, отступала и тянулась опять. Санал не спускал с неё глаз, а сам черпал. Тёлочка отпустила рукав, потянулась мордой к воде, ступила в мокрое — и увязла передней ногой в иле по бабку. Дёрнулась раз, другой, рванула ногу — ил держал, чмокал, тянул обратно, — выпростала с натугой, шарахнулась назад, разбрызгивая, чуть не села на зад. Санал бросил ведро, ухватил её за шею обеими руками, вывел на твёрдое; Звёздочка дрожала, косила на воду тёмным глазом, всхрапывала, с ноги у неё текла бурая жижа, липла к шерсти. Санал придержал её, провёл рукой по шее, по вздрагиваю-

щему боку, пока не унялась дрожь, и обтёр ей выпачканную в иле ногу пучком сорванной травы. Хасар тем часом совался к самой воде, тянул ремешок из руки, лакал, забредая в грязь по лапы, мутил; Санал дёрнул его назад — пёс вылез весь в чёрной жиже, отряхнулся, обдав брызгами и Санала, и тёлочку. Санал держал одной рукой пса за ремешок, другой тёлочку за холку, а полное ведро стояло в стороне у ног, и поднять его было нечем — обе руки заняты живым, и никого нельзя было отпустить: пёс рвался в воду, тёлочка жалась к ноге, а без воды домой не воротишься. Он подтянул было ведро носком к себе — вода качнулась, плеснула через край; тёлочка от плеска дёрнулась, Хасар налёг на ремешок, и Санал едва удержал обоих.

Санал присел на корточки. Прodel руку в дужку, потянул, поднял ведро — вода качнулась, плеснула ему на колено; ремешок он перехватил в зубы, а тёлочку повёл, придерживая ладонью за холку. Так, обвешанный со всех сторон живым, тяжело переступая с полным ведром, кренясь, он выбрался от воды на тропу.

Тропа шла вверх, к дворам. Санал ступал первым — медленно, вполшага, приноравливаясь к коротким неверным шагам Звёздочки; ведро оттягивало руку вниз, било по ноге, вода уходила через край, и он менял руку, не останавливаясь, чтобы не расплескать больше. Солнце стояло высоко, пекло в спину; пот заливал глаза, ремешок резал ладонь, а тёлочка на рукаве оступалась и тянула назад. Сзади, отста-

вая и нагоняя, шли двое: Хасар, натягивая ремешок вбок, к запахам у плетней, и Звёздочка, забравшая опять его рукав тёплыми губами. Санал перехватил дужку, подобрал в кулак ремешок, подставил тёлочке рукав — и повёл их дальше, вверх по тропе, никого не отпуская, к своему двору, где над крышами стоял прямой белый дым.

Глава 8. Глина

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.